



Настя  
Орлова

Твой  
миный  
враг

Всегда побеждает любовь. Проза Насти Орловой

Настя Орлова

**Твой личный враг**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Орлова Н.**

Твой личный враг / Н. Орлова — «Эксмо», 2024 — (Всегда побеждает любовь. Проза Насти Орловой)

ISBN 978-5-04-197986-7

Романтические истории Насти Орловой такие чувственные и увлекательные, что задевают за живое, заставляя сопереживать героям и радоваться за них, как за своих давних знакомых. В каждом романе вас ждет дополнительная глава и опус от автора! Для Мирославы Громовой новогодние каникулы в Сочи — долгожданная возможность провести время наедине со своим молодым человеком. Но все идет не по сценарию, когда в горном отеле появляется Даниил Благов. Он - сын главного бизнес-конкурента ее семьи и сердцеед, личную жизнь которого обсуждает вся Москва. Даня не делает секрета из того, что Мира ему нравится и наличие у нее парня его не смущает.

Но девушка отчаянно сопротивляется неожиданному притяжению и делает все, чтобы держаться от Благова как можно дальше. Что победит: сердце или разум? Как долго Мира сможет вести двойную жизнь, в которой она и примерная дочь, и тайная любовь своего врага.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197986-7

© Орлова Н., 2024  
© Эксмо, 2024

## Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

# **Настя Орлова**

## **Твой личный враг**

© Орлова Н., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

\* \* \*

## Пролог

– Мира, ну какая же ты у нас красавица, – искреннее восхищение в голосе мамы заставляет меня отвлечься от рисования стрелок перед зеркалом и обернуться. – Платье – восторг. И так тебе идет.

Сегодня важный день, а мнение мамы в вопросах моды и стиля я никогда не ставила под сомнение, поэтому ее похвала приятно щекочет мое самолюбие.

– Не заметила, как ты пришла, – говорю с улыбкой. – Выглядишь отпадно, мам. Мне даже жаль папу. Весь вечер будет рычать и отгонять от тебя кавалеров.

– Скажешь тоже, – в ответ на мой вполне честный комплимент мама закатывает глаза. – Я похожа на бегемота.

А вот сейчас она лукавит. Мама на третьем месяце беременности, но если не знать наверняка, вряд ли можно догадаться, что она в положении. На ней темно-синее шелковое платье, облегающее грудь и мягкими складками ниспадающее до пола, и классические лодочки на умопомрачительных каблуках. Блестящие волосы шелковистой волной струятся по плечам, а на губах играет легкая улыбка. Улыбка счастливой женщины, абсолютно довольной своей жизнью.

– Поправь меня, или папа действительно говорил, что, если еще раз увидит тебя в этих туфлях, вы никуда не пойдете, – смеюсь я.

Мама презрительно фыркает и осторожно, чтобы не помять платье, усаживается на краешек кровати.

– Каблуки нужны мне, чтобы свысока смотреть на тех девиц, которые будут строить глазки твоему отцу. Ему придется смириться.

– С чем мне придется смириться, Ксюша?

Мама с вызывающим видом приподнимает одну ногу, демонстрируя отцу, небрежно прислонившемуся плечом к дверному косяку моей спальни, убийственно красивые туфли.

Глаза папы темнеют, к скулам приливает кровь.

– Можем остаться дома, – отрывисто произносит он, разглядывая мамину голую ногу в разрезе платья. – Туфли пригодятся.

Убейте меня, если то, что отражается в этот момент на его лице, не примитивное желание.

Фу, ужас, это же мои родители!

– Не хочу больше ничего знать про эти туфли, – умоляю я, демонстративно закрывая уши ладонями. – Идите в свою спальню выяснять эти... Эти отношения!

Мама с невинным видом подмигивает мне. Папа смеется, подходит к кровати и галантно протягивает маме ладонь. Когда она грациозно поднимается, отец обвивает руки вокруг ее талии, бережным жестом поглаживает округлившийся живот и быстро целует в нос.

– Мира, ты выросла невероятной красавицей, – говорит папа, бросая на меня полный отеческого обожания взгляд, и увлекает маму прочь из моей комнаты. – Ждем тебя в гостиной через пятнадцать минут. Водитель уже в пути.

Когда родители скрываются за дверью, я снова обращаюсь к зеркалу и подношу к глазам карандаш. Красавица? Вот мама красивая. И Света, жена папиного брата, тоже. А я просто симпатичная – таких вокруг миллион. И пусть я никогда не комплексовала по поводу своей внешности, пара недель в Москве заронили в моей голове зерно сомнения, которое уже пускает корни неуверенности. Глупость, правда. Но я не могу отделаться от мысли, что тут чужая.

Месяц назад я сдала ЕГЭ и уже числюсь в списках на зачисление в нескольких столичных университетах. Папа на седьмом небе от счастья, потому что мы с мамой окончательно перебираемся в Москву. Я его понимаю – жить, разрываясь между двумя городами, как мы

жили последние три года, надоело всем, включая меня. Но в душе я та еще трусиха. Боюсь, что большой город – не моя стихия.

Единственное, что вселяет в меня уверенность, – то, что мой парень Саша ближе к осени тоже переедет в Москву. В прошлом сезоне он заключил контракт со столичным хоккейным клубом, а пока проходит медицинское обследование и тренируется на базе в Сочи. Мы с Сашей дружим с восьмого класса, и для меня он – идеальный. Добрый, отзывчивый, нежный и умный. Живое доказательство того, что распространенное мнение о хоккеистах как о грубоватых увальнях не более чем миф.

Интересно, сможем ли мы с Сашей пронести свою первую школьную любовь через всю жизнь, как это сделали мои родители?

С щемящим ощущением в груди вспоминаю, через что пришлось пройти маме и папе, чтобы сохранить отношения. Сколько испытаний временем и обидами выдержали их чувства. Невероятно, но даже глупый развод не смог убить их любовь.

Родители вновь сошлись три года назад и больше не расставались. Балансируя между Ростовом, где жили мы с мамой, и Москвой, где располагался головной офис папиной компании, они умудрились наладить жизнь на два города, не ущемляя друг друга ни в правах, ни в обязанностях, ни в возможностях. Несмотря на настойчивые попытки папы перетянуть маму на работу в его компанию, она осталась на своем старом месте, объясняя это нежеланием смешивать карьеру и семью. В конце концов отец согласился с мамиными доводами и сам все больше времени стал проводить в Ростове, развивая свой строительный бизнес на юге страны. Глядя на них сейчас, таких красивых, счастливых, все еще очень молодых и влюбленных, сложно даже вообразить, что в их жизни были годы разлуки и непонимания.

Полгода назад мама и папа во второй раз обменялись клятвами, и эта тихая интимная церемония, на которой присутствовали только члены семьи и самые близкие друзья, стала венцом их примирения. Хотя, возможно, венцом этим стала вовсе не свадьба, а недавняя новость о том, что мама ждет второго ребенка.

– Мира! Машина ждет. – Громкий голос папы заставляет меня отвлечься от воспоминаний и завершить макияж.

В последний раз бросаю критичный взгляд на свое отражение в зеркале и торопливо бегаю по лестнице вниз – сегодня мой официальный светский дебют в Москве. Не стоит заставлять этот город ждать.

До этого дня папа несколько раз брал меня на разные мероприятия, но сейчас все повзрослому. Нас уже дожидается автомобиль с водителем в форме, в плотном конверте с тиснением лежит пригласительный на мое имя, а воздух вокруг меня потрескивает от напряжения.

Я не сноб. Меня вполне устраивала моя скромная жизнь в Ростове: у меня были друзья, интересное хобби и бойфренд, но порой, разглядывая светскую хронику в журналах и телеграм-каналах, я нет-нет, но задумывалась, что если бы я в полной мере пользовалась преимуществами, которые дает фамилия Громова, то моя жизнь была бы совсем другой. И я знаю, что в Москве она и станет другой – слишком велико здесь влияние отца и его семьи.

Вечер-аукцион для сбора средств на благотворительность похож на сказку. Знаменитости, на которых я была подписана в соцсетях, проплывают мимо на расстоянии вытянутой руки, а некоторые даже останавливаются, чтобы поздороваться с отцом и мамой. Концентрация дизайнерских платьев на квадратный метр зашкаливает. Блеск бриллиантов ослепляет. Дорогая парфюмерия сливается в один густой аромат богатства и успеха.

За бесконечным потоком знакомств и непринужденной светской беседой незаметно пролетает почти целый час.

– Через десять минут начнется официальная часть, – говорит папа, бросая взгляд на часы. – Пойдем занимать места.

– Я отлучусь в дамскую комнату и к вам присоединюсь, – сообщаю тихо, чтобы никто не слышал.

– Мыждемся тебя.

Сходив в туалет и проверив макияж, спешу к родителям. Но где-то на полпути попадаю в море разлитого шампанского. Мои новенькие туфли скользят по мокрому паркету как по отполированному льду, и я не успеваю даже испугаться, как позорно падаю. Почти. Потому что где-то в десятке сантиметров от пола меня подхватывают чьи-то руки и, приподняв, ставят на ноги на безопасном расстоянии от лужи.

– О господи... – тарыхчу я рассеянно.

– Никто меня еще так не называл, – получаю насмешливый ответ.

Двух секунд мне хватает, чтобы восстановить дыхание, еще одной – чтобы понять, что мои пальцы вцепились в лацканы дорогого пиджака. Смущенно закусив губу, поднимаю глаза на лицо своего спасителя и испытываю самое большое потрясение в своей жизни.

Вот это да!

Никогда я не видела глаз такого удивительного иссиня-черного цвета. Да что уж там. Никогда я не видела таких удивительных глаз на таком удивительном мужском лице. По степени идеального сочетания брутальности, харизмы и привлекательности этот образец способен соперничать с папой и выиграть. По крайней мере, в моем личном хит-параде. А это о многом говорит.

– Прошу прощения, – лепечу на выдохе.

– Прощаю, – произносит парень, с насмешливым любопытством изучая мое лицо. – Ты поклонница балета?

– Что? – спрашиваю недоуменно.

– Балет. Гвоздь сегодняшнего сборища, – поясняет он с ленивой улыбкой.

– Равнодушна к балету, – шепчу я, облизывая кончиком языка внезапно пересохшие губы.

Парень улыбается еще шире, а длинные ресницы опускаются, скрывая от меня выражение его глаз.

– Тогда сбежим и покатаемся?

Я в недоумении смотрю на него, уверенная, что ослышалась, но выражение его лица не оставляет сомнений в том, что он сказал именно то, что я услышала. Никогда в жизни я не встречала такой поразительной наглости! Этот человек не знал моего имени – вообще ничего не знал – и начать знакомство решил с приглашения уединиться в его авто?

– Моя машина на парковке рядом, – повторяет он свое недвусмысленное предложение, видимо, не сомневаясь, что я соглашусь.

– Ты сошел с ума! – бросаю я, не замечая, что перехожу на «ты».

Он вновь улыбается, на этот раз как-то самодовольно, демонстрируя ряд ровных белых зубов с небольшими клыками по бокам. Мне приходит в голову, что многие избавились бы от них как от несовершенства, но не он. С внешностью этого парня зубы-клыки выглядят особенно пикантно. Даже вызывающе.

Вокруг нас снуют люди. Запоздало появляется уборщица. Кто-то зовет официанта. Но мне все равно. Я нахожусь в объятиях потрясающе красивого парня, испытывая незнакомое до этого момента чувство изолированности от остального мира.

– Боишься? – спрашивает он, наблюдая за мной с выражением нетерпения на красивом лице.

Да, похоже, этот парень не привык ждать. Впрочем, чему я удивляюсь? С такой внешностью и явно при деньгах – вряд ли ему хоть раз в жизни требовалось напрягаться, чтобы получить желаемое.



– Почему я должна бояться? – первый шок прошел, но мой голос все еще предательски дрожит.

– Тебе виднее, – он произносит эти слова неспешно, как бы лениво, слегка растягивая слова. И выразительно смотрит на мои пальцы, сжимающие ткань его пиджака, словно от этого зависит моя жизнь.

Черт, черт, черт.

Разжимаю пальцы и отступаю на шаг. Синие глаза неотступно следят за каждым движением, а я, вопреки желанию, не могу отвести от них своего взгляда.

Магия какая-то! В его глазах столько тайны, обещания удовольствий и приключений, что на какое-то мгновение полного помешательства я даже всерьез размышляю над тем, чтобы принять его приглашение.

Каково это – попасть к нему в руки, провести с ним время?

О! Он, конечно, выпьет мою душу. До последней капли. В этом нет ни малейшего сомнения.

Чувствую, как внизу живота разливается странное тепло. Предвкушение чего-то необычного и волнующего жаркой волной прокатывается по телу, подтверждая мои мысли. Я читала о подобных вещах в книгах, смотрела про них в кино, но никогда не думала, что им есть место в реальности.

– Меня ждут, – единственное, что я в состоянии выдать из себя.

Чувствую необъяснимое желание скрыться от этого человека. Пытаюсь обойти его, но он не пускает. Вместо этого делает шаг навстречу, вынуждая меня отступить к стене. Нет, он не касается меня, но сила его взгляда приковывает меня к месту лучше, чем любое физическое ограничение.

– Пойдем со мной, – а вот это звучит совсем не как приглашение.

Я не терплю хамов. С детства. Поэтому осталась всего пара-тройка секунд до того, как приказной тон и нахальная улыбка засранца выведут меня из себя. Чувствую прилив сил, и на место безвольной амебы, роль которой я играла последнюю пару минут, возвращается адекватная Мирослава.

– Не думаю, – произношу я, воинственно приподнимая подбородок. – Ты не в моем вкусе.

В ответ на это он лишь смеется! В синих глазах зажигаются дерзкие огоньки, на щеках появляются ямочки, делая его в тысячу, нет в сотню тысяч раз более привлекательным.

Придурок!

– Дай мне пройти! – бросаю я возмущенно.

На этот раз он не протестует: демонстративно отходит, освобождая мне путь. И я, не раздумывая ни секунды, пулей несусь к родителям, надеясь больше никогда в жизни не видеть этого самоуверенного типа.

К сожалению, мои мольбы там, наверху, оставляют без внимания.

Снова замечаю нахала перед входом в банкетный зал. Сердце гроыхает в груди, но папа и мама рядом – уж конечно, мне под силу невозмутимо пройти мимо придурка, который считает себя центром вселенной.

Он тоже не один. Вопреки моим ожиданиям, у него на руке не висит фантастическая красotka, готовая терпеть его «автоприключения» со всеми подряд. На сгибе его локтя покоится холеная рука Вероники Благовой, а рядом с ними идет великий и ужасный Владимир Благов.

Не может быть.

Еще до того, как глава семейства официально представляет своего сына, я понимаю, что такой тип мог родиться только в этой семейке. Словно в тумане наблюдаю, как Вероника, Владимир и Даниил (да-да, так зовут самовлюбленного засранца) приветствуют папу и маму. Общение холодное и натянутое, особенно со стороны отца, но это не мешает Благовым демонстрировать приторно-вежливое радушие. Я понимаю, что весь этот лживый обмен любезно-

стями всего лишь часть светской игры – какие бы кровопролитные бои ни шли между нашими семьями на поле бизнеса, вот на таких вот мероприятиях все соблюдают рамки приличия.

Теперь, когда я знаю, с кем именно столкнулась в холле, произошедшее между мной и Даниилом подчиняется законам логики. Его наглое поведение – прямое отражение всего, что я когда-либо слышала о Благowych. Но даже эта правда не лечит меня от его губительного воздействия: когда он со словами «дамы» поворачивается ко мне и наши глаза вновь встречаются в молчаливом поединке, я перестаю дышать. Чертовы легкие просто отказываются насыщать меня кислородом. Я застываю в попытке привести себя в чувство, словно со стороны наблюдая, как Даниил берет мои холодные пальцы в свою ладонь и сжимает.

Его прикосновение жесткое, но нежное. И таит в себе столько скрытого смысла, который понятен лишь нам двоим, что мой мир вновь соскакивает со своей оси и дрейфует в космосе. Дыхание возвращается, но становится прерывистым и бурным, а утихшая было паника накрывает меня с новой силой.

Как одно прикосновение может сказать так много? Как оно может обещать? Завлекать? Ласкать? Утверждать?

Вздрагиваю, чувствуя, что на меня и Даниила направлено внимание обоих кланов. Краснею и торопливо отступаю назад, не сумев скрыть от внимательного взгляда мамы свою бурную реакцию.

На мое счастье, раздается голос ведущего, который приглашает гостей занять свои места.

– Нам пора, – произносит отец, беря меня под руку, что в данной ситуации очень кстати. Мои ноги как бетонные плиты, и я бы не стала ручаться, что в состоянии пройти по прямой без поддержки даже несколько метров.

Но, двигаясь с папой по проходу к нашим местам, проклиная свою слабость и любопытство, я все же не могу не обернуться, чтобы проверить, смотрит ли Даниил мне вслед.

О, он не обманывает моих ожиданий – наши глаза вновь встречаются, и на этот раз в его взгляде нет тайны. В них сквозит такое откровенное желание, что я вспыхиваю, но, даже отвернувшись, еще долгое время не могу прийти в себя. Не помогает и то, что до самого конца вечера я ощущаю на себе тяжелое и волнующее внимание моего врага. Зато я точно знаю, что Даниил Благов остался – видимо, никого, достойного места в своем авто, он так и не нашел.

## Глава 1

Сбрасываю на пол вещи с верхней полки шкафа и рассеянно смотрю на гору теплой одежды под ногами.

– Ма, ты не видела мой синий свитшот? – кричу я, рассчитывая, что она распознает в визгливых нотах невысказанный сигнал о помощи.

Через несколько часов у меня самолет, а я на грани истерики: совершенно не представляю, что взять с собой в десятидневную поездку в горы. Сколько вязаных вещей мне реально нужно? Пригодится ли легкая куртка? А пальто? А платье? А юбка из шифона? А туфли на каблуках?

Сколько себя помню, всегда ненавидела две вещи: собирать сумки и тушеную капусту. С капустой мы не так давно нашли компромисс, а с упаковкой багажа никак не выходит. Я люблю, когда все под рукой, а отпускной гардероб, занимающий огромный чемодан, вгоняет меня в депрессию.

– Детка, он был в прачечной, – в комнату всплывает румяная мама с потерянной кофтой в руках. Глядит по сторонам, оценивая масштабы бедствия, и осторожно интересуется: – Нужна помощь?

– Да! – не скрывая облегчения, выдыхаю я, опускаясь на пол, прямо в кучу брендовых тряпок. Я знаю, что на маму можно положиться – у нее всегда все по полочкам.

В подтверждение моих мыслей мама кивает и кладет сложенный свитшот в пустой чемодан. Ну, вот и первый пошел!

– Уже решила, в чем поедешь?

Вместо ответа тычу пальцем в бежевый свитер и такие же легинсы с начесом. В этом мне, по крайней мере, будет тепло и удобно во время перелета.

– Хороший выбор. Думаю, тебе пригодится тот брючный костюм, который мы купили на прошлой неделе, – деловито рассуждает она, мастерски выуживая нужные вещи из кучи на полу и аккуратно укладывая их на дно чемодана. – И не забудь про термобелье.

С помощью мамы сборы сдвигаются с мертвой точки, и я позволяю себе подумать о других волнующих меня темах.

– Ты же не обижаешься, что Новый год я встречу не дома? – задаю вопрос, который мучает меня с тех пор, как две недели назад я дала согласие на поездку в Сочи в канун праздников. Это первый Новый год, который я проведу вдали от мамы, – ничего не могу с собой поделать, чувствую себя немного виноватой.

– Конечно, не обижаюсь, Мира, – с ласковой улыбкой отвечает она, ритмично поглаживая огромный живот, в котором уже восемь месяцев плавает мой братик. – Мне сейчас тяжело куда-то ходить, сама понимаешь, так что мы с твоим отцом решили проигнорировать семейный прием у старших Громоновых и остаться в новогоднюю ночь дома. Ну, не будешь же ты смотреть с нами «Голубой огонек» и поедать оливье, в самом деле. К тому же в Сочи в это время года должно быть чудесно.

Не могу сдержать улыбку, потому что тоже считаю, что в Сочи будет чудесно. Даже если горы останутся без снега, а в новогоднюю ночь зарядит дождь, меня это мало заботит, ведь я буду с Сашкой.

Эта поездка – идея моего парня. Он собрал большую компанию наших друзей и приятелей друзей, так что скучать нам точно не придется. Впрочем, я бы не грустила, даже если бы мы провели ближайшие десять дней только вдвоем, спрятавшись от внешнего мира в гостиничном номере.

Мне катастрофически не хватает общения с ним. Его профессиональная карьера хоккеиста сопряжена с постоянными переездами и сборами, а я в свой первый учебный год в МГУ

изо всех сил стараюсь не слететь с рельсов успеваемости. Совмещать наши графики в Москве дико сложно, поэтому перспектива проводить вместе двадцать четыре часа на одной территории размером с номер люкс в пятизвездочном отеле вызывает во мне шквал положительных эмоций.

– Как думаешь, вот это платье подойдет для новогодней вечеринки? – Я снимаю с плечиков новенькое серебристое платье из атласного шелка и вопросительно смотрю на маму.

– Идеально. – Мама мечтательно вздыхает. Все-таки она неисправимый романтик, а папа ей в этой слабости потакает. – Хочешь, дам тебе свои босоножки?

– Miu Miu? – недоверчиво уточняю я и, когда она кивает, подлетаю, чтобы поцеловать ее в щеку: – О, классно! Спасибо, мам.

– Саша твой с ума сойдет, – говорит она с лукавой усмешкой. – Ох, не бережешь ты, Мирослава, своего хоккеиста.

Мои губы растягиваются в довольном оскале во все тридцать два зуба – именно на такой эффект я и рассчитывала, покупая это платье.

– Папа точно успеет вернуться из Питера, чтобы отвезти меня в аэропорт? – спрашиваю я, взглянув на циферблат наручных часов. – Может, мне такси вызвать?

Мама качает головой:

– Влад ни за что не пропустит твой отъезд, ты же знаешь.

– Зачем ему вообще понадобилось в Питер так срочно? – интересуюсь я, складывая тонкие паутинки Agent Provocateur в чехол для белья. – Вчера за завтраком он ничего не говорил про отъезд.

– Какие-то сложности с продлением контракта с одним из подрядчиков, – задумчиво произносит мама, пожимая плечами. – Насколько я поняла из его эмоционального монолога по телефону, в сделку вмешались Благовы, а ты же знаешь, как болезненно твой отец реагирует на любое их появление на горизонте.

И не только отец, в раздражении думаю я, ощущая неприятную тяжесть в животе, которая образовалась, стоило маме произнести ненавистную фамилию.

Стараюсь придать своему голосу безразличное выражение и спрашиваю:

– Благовы? А что они хотят от нас на этот раз?

– Я не знаю, детка. Твой отец рвет и мечет при одном упоминании этой семьи в разговоре, поэтому я стараюсь лишний раз не нервировать его. Он сам расскажет, когда будет готов.

– И ты не знаешь, с чего вдруг он, м-м-м, так бесится из-за них? У папы в бизнесе полно конкурентов, но он обычно спокойно решает все спорные вопросы в свою пользу.

– А что это вдруг ты так интересуешься Благовыми? – Мама с подозрением изучает мое лицо.

– Да просто спрашиваю, – поспешно отвожу глаза, чтобы она не уличила меня в откровенной лжи, и предельно сосредоточенно застегиваю молнию на чемодане.

На самом деле мой интерес к Благовым – дело прошлое. После памятной встречи с младшим представителем этого семейства на своем дебютном светском мероприятии я проштудировала интернет в поисках любой информации о нем. Искать пришлось недолго. Если отбросить подростковую лирику вроде того, какой цвет он предпочитает, какую машину водит и на каких пляжах предпочитает заниматься серфингом, в Сети остается огромный пласт информации о его любовных похождениях. Успехи Даниила Благова по соблазнению «малышек на миллион» красочно задокументированы в блогах на Сплетнике, а в списке завидных женихов за ним железно закрепилось место в первой двадцатке. Если набрать его имя в поиске по картинкам, выпадет сотня фоток, на каждой из которых он стоит в компании какой-нибудь девицы из золотого фонда светской Москвы. Чертов донжуан! Не зря я сразу поняла, что от него лучше держаться подальше.

– Мира? – Голос мамы настойчиво врывается в мои мысли о Благове-младшем.

– М-м-м, – мычу я неопределенно.

У мамы исключительно развитая интуиция, и стоит дать ей повод, она легко сложит два плюс два и поймет, почему мне интересны Благовы. А к этому я не готова – мама начнет задавать вопросы, на которые у меня просто нет ответов. Думаю, как бы выкрутиться, но в этот момент снизу раздается громкий хлопок входной двери.

– А вот и Влад!

Мама, несмотря на огромный живот, как влюбленная девчонка срывается с места и несется вниз, чтобы встретить отца, а я смотрю ей вслед и думаю, что бы она сказала, если бы узнала подробности моей первой и единственной встречи с Даниилом Благовым.

Но она не узнает, мысленно обещаю себе. Никто никогда не узнает. Воспоминания о той стычке я надежно похоронила в недрах своей памяти. Уже почти полгода прошло, а мне все еще сложно переварить свою примитивную реакцию на этого человека. Наверное, именно поэтому я предпочитаю держать мысли о нем при себе – так есть хоть какой-то шанс представить, что всю ту сверхъестественную романтическую ересь я просто выдумала.

\* \* \*

Аэропорт Шереметьево шумит как пчелиный улей: мимо снуют люди с чемоданами и тележками, из динамиков нон-стопом льются объявления, пассажиры толпятся у касс, высаживают инфоцентр и куда-то мчатся, мчатся...

– Пообещай, что не будешь делать глупости, – чуть повышая голос, чтобы перекрыть гул вокруг, просит папа, когда мы останавливаемся у регистрационной стойки.

– Пап, какие глупости? – демонстративно закатываю глаза и вздыхаю. – Я уезжаю всего на десять дней. Успокойся, пожалуйста.

– Для того чтобы наделать глупостей, достаточно пары часов, – нравоучительно заявляет он. – Хоккеист твой уже в Сочи?

– Да, встретит меня в аэропорту, – рапортую я. – Лена Старикова с парнем тоже в пути – едут на машине из Ростова. Все соберемся в отеле к ужину.

– Хорошо. Будь осторожна, Мирослава, – произносит папа, крепко обнимая меня. – Звони в любое время.

– Ладно тебе, пап, – произношу тихо. – Не волнуйся за меня. Ты маму береги. Она что-то чересчур деятельная стала, а ей покой нужен.

Папа согласно кивает. Мы вместе идем к зоне досмотра и там прощаемся. И я вдруг чувствую тревогу, которой не могу найти объяснение. Отгоняю ее прочь, еще раз обнимаю отца и, уже не оборачиваясь, бодро шагаю на предполетный чекин.

## Глава 2

– Девушка, мы готовимся к посадке, – слышу сквозь дрему. – Пожалуйста, приведите спинку кресла в вертикальное положение.

Открываю глаза и в первый момент даже не понимаю, где нахожусь. В ушах гудит, горло пересохло. Пока кусочки реальности складываются воедино, механически выпрямляюсь в кресле и поднимаю спинку. Молоденькая стюардесса с профессиональной улыбкой забирает у меня плед и идет дальше по проходу. В этот же момент монотонный голос командира объявляет о том, что самолет приступил к снижению. Загорается табло «Пристегните ремни», а я глазею в окно на бескрайнюю синеву моря в золотистых лучах заходящего солнца.

Через некоторое время на горизонте появляется кромка берега, а спустя буквально две минуты шасси самолета ударяются о бетонку, турбины ревут, пассажиры хлопают в ладоши, командир благодарит за то, что мы воспользовались авиалиниями.

С удивлением думаю о том, что двухчасовой полет прошел для меня как одно мгновение – даже не ожидала, что отключусь сразу, как только окажусь в воздухе. Видимо, напряжение последних дней зачетной недели, помноженное на нервозность, вызванную предстоящей поездкой, дали о себе знать.

Пока пассажиры толпятся в проходе, достаю из рюкзака телефон и перевожу его в активный режим. Не могу сдержать улыбку, когда на экране появляется первое сообщение.

*«Мальши, жду тебя».*

Сердце сладко екает, и хочется петь.

Мои каникулы действительно начались.

Из самолета выхожу одной из первых и по железному рукаву топаю в аэропорт. В ожидании своего чемодана звоню маме, чтобы сообщить, что добралась, а потом нетерпеливо брожу вокруг багажной ленты. Знаю, что там за стеной в жалком десятке метров стоит мой Сашка, поэтому ожидание, даже короткое, воспринимаю как наглое вмешательство вселенной в свою личную жизнь.

Наконец лента приходит в движение. Едва завидев яркий чехол своего двадцатикилограммового Samsonite, подбегаю и хватаю его с ловкостью, которой позавидует продвинутый турист. Предстоящая встреча меня окрыляет, так что я несусь прочь из багажного отделения к раздвижной двери с надписью «Выход» в город, даже не замечая тянущий меня к земле вес. Жадно озираюсь по сторонам в поисках знакомой фигуры и замираю, когда мой взгляд упирается в теплое золото глаз моего парня.

Перестаю контролировать улыбку на лице и мчусь прямо в распахнутые объятия Сашки. Балласт в виде чемодана сбрасываю где-то на полпути и в следующий миг повисаю на высокой мускулистой фигуре бойфренда, утыкаясь носом в его шею и с наслаждением вдыхая знакомый запах. Сашка пахнет мускусом и свежестью. Домом и теплом. И дружбой. И радостью. И, наверное, любовью.

Наши губы встречаются. Губы у Сашки мягкие, ищущие, с привкусом кофе. Обхватываю его за талию, ощущая под пальцами напрягшиеся мускулы, и приподнимаюсь на носочки, чтобы углубить поцелуй. Язык, не встретив препятствия, проникает в рот и жадно мечется в теплой глубине. Просто блаженство.

Сашка останавливается первым: его глаза потемнели, дыхание сбилось, а на щеках алеет румянец.

– Сумасшедшая, – бормочет он, ласково поглаживая мою щеку.

– Просто рада тебя видеть, – не испытывая ни малейшего смущения отвечаю я с широкой улыбкой.

– Пойдем, – протягивает Сашка руку и в привычной манере переплетает наши пальцы. – Тебе здесь понравится.

Лично у меня нет в этом ни малейшего сомнения, ведь все, что мне нравится, уже здесь.

Мы покидаем здание аэровокзала и идем на стоянку, где Сашка оставил арендованный на ближайшие десять дней автомобиль.

Несмотря на календарный декабрь, на улице по-весеннему тепло. Воздух мягкий и сладкий. Небо ясное. И кое-где на деревьях я даже замечая зеленые побеги. Жмусь к крепкому мужскому плечу и жмурюсь от чистого, ничем не замутненного счастья.

До отеля, расположенного на горнолыжном курорте Роза Хутор, мы едем минут тридцать по новенькой дороге с живописными видами на горы и бурную реку. Я с интересом глазею по сторонам, Сашка непринужденно крутит баранку. Одна его рука лежит на руле, вторая гладит мою коленку, отчего по телу разливается приятное тепло. В его жесте нет собственнических замашек, в нем лишь инстинктивная потребность прикоснуться ко мне. Я знаю, потому что сама чувствую то же самое: чтобы мне было комфортно, мне достаточно поглаживать его руки, плечи, складку на лбу, ощущая кончиками пальцев теплоту кожи.

Пока я упиваюсь его близостью, Сашка рассказывает мне про график игр на ближайший месяц и жалуется на боль в лодыжке, которая беспокоит его с самого лета. Я хочу сказать ему, что не стоит пускать все на самотек – давно пора показаться врачу, но его ладонь неожиданно покидает насиженное место на коленке и ползет вверх, не оставляя в моей голове ни одной внятной мысли.

– Соскучился по тебе, малыш, – шепчет он.

Я вспыхиваю как лампочка.

– Я тоже.

Когда мы добираемся до места, курортный городок встречает нас синей сумеречной дымкой. У меня появляется ощущение, что мы едем внутри иллюстрации из детской сказки: здания в европейском стиле окружили речку, повсюду горят огоньки, на обочинах белеют сугробы, а деревья надежно укутаны в снежные коконы. Контраст между тропическим побережьем и снежной горной деревней такой разительный, что я сверяю часы – не верится, что мы были в пути только полчаса.

Машина тормозит возле главного входа в отель. Сашка выходит первым: достает из багажника мой чемодан и передает его беллбою, а потом открывает дверцу для меня.

– Я поставлю машину на паркинг, – говорит он, протягивая мне ключ. – А ты пока загляни на ресепшен – при заселении просили скан твоего паспорта.

Я послушно киваю. Сашка уезжает, а я стою и с глупой улыбкой смотрю ему вслед. Только после того как машина скрывается за заснеженным поворотом, захожу в отель.

Просторный холл в этот вечерний час заполнен людьми. В воздухе приятно пахнет апельсинами и корицей. Мягкий свет сотен лампочек создает уютную атмосферу. Улыбающийся администратор тепло приветствует меня и, пока я достаю документы, рассказывает о развлечениях и услугах, которые отель может мне предоставить.

Рассеянно слушаю его и с любопытством смотрю по сторонам, когда чувствую какое-то неуловимое изменение в атмосфере вокруг меня. Воздух будто разгоняется, а по спине ползет неприятный холодок. Озираюсь в поисках источника дискомфорта и дергаюсь, будто меня ударили, когда взгляд упирается в пеструю толпу в модных горнолыжных костюмах.

В самом центре различаю пугающе знакомый профиль.

Волевой подбородок, прямой нос, пухлые губы, которые просто не должны быть у мужчины, густые брови и копна черных непослушных волос с каплями растаявших снежинок – идеальная картинка физического совершенства, от которой у меня на затылке волосы становятся дыбом.

Даниил Благов небрежно обнимает за плечи миниатюрную брюнетку. Судорожно сглатываю набежавшую слюну, но, как мазохист, не могу отвести глаз от этой пары. Девчонка красивая. Свежее лицо, длинные черные волосы, совсем немного макияжа. Жгуче хороша. Стоит ко мне вполоборота и ловит каждое слово своего спутника.

Благов подается вперед и что-то шепчет ей на ушко, отчего губы брюнетки изгибаются в томной усмешке, а потом вдруг поворачивает голову и смотрит прямо на меня своим дьявольским синим взглядом, в котором я отчетливо читаю вызов.

– Мирослава Владиславовна, – настойчивый голос портье выводит меня из транса. Я поспешно отвожу глаза от высокой фигуры в центре зала и в замешательстве смотрю на человека, который протягивает мне паспорт. – Дополнительный ключ от номера и ваши документы. Приятного отдыха.

– А, спасибо, – смущенно бормочу я, дрожащими пальцами забирая карту и паспорт со стойки.

Компания в центре зала взрывается громким смехом. Ключ выскальзывает из моих пальцев и падает у ног. Опускаюсь на корточки, чувствуя на себе пристальный взгляд, от которого мне отчаянно хочется спрятаться.

Соберись, Громова!

Крепко сжимаю пластиковый ключ в руке и планирую устроить Благову тотальный игнор, но в этот миг передо мной откуда ни возьмись появляется Сашка.

– Ты чего как привидение? – с беспокойством спрашивает он, прикасаясь к моей щеке кончиками теплых пальцев.

– Наверное, давление в горах. – Детский лепет, я знаю, но в этот миг это единственное объяснение, на которое способен мой онемевший от шока мозг.

– Пойдем, тебе надо прилечь, – заботливо говорит мой парень. – Ты давно ела?

Я не голодна. Я точно знаю. В шереметьевской кофейне я слопала огромный сэндвич с индейкой и черничный маффин, но хватаюсь за этот предлог, как за спасительную соломинку, чтобы Сашка не углублялся в причины моего идиотского поведения. Не могу же я сказать ему, что мне стало дурно от пронзительного взгляда совершенно чужого мне мужика, которого я вижу второй раз в жизни.

Сашка тянется ко мне всем телом и прижимает к себе. Я кладу голову ему на плечо и послушно следую к лифту. Он что-то говорит, но я глуха к его словам. Чувствую покалывание в районе лопаток и точно знаю, что Благов смотрит. Мечтаю быть выше этого безумства, но сдаюсь почти сразу: оборачиваюсь через плечо и натываюсь на горящий взгляд потемневших синих глаз.

Несмотря на то что на его руке висит девчонка, наглец пожирает меня глазами с таким откровенным голодом, что мне становится не по себе.

Да, не по себе. Предпочитаю признать это сейчас, чтобы иметь возможность справиться с этой слабостью впоследствии.

Губы Даниила Благова изгибаются в насмешливой улыбке, а бровь издевательски ползет вверх, словно он точно знает ход моих мыслей и предвкушает победу.

Теснее прижимаюсь к Сашке, кладу ладонь ему на ягодицу и отвечаю Благову такой же холодной улыбкой.

Не дождешься, придурок.



## Глава 3

В бизнесе как на войне, говорят многие. Мой отец, Владислав Громов, предпочитает вести дела цивилизованно, но даже у него на этом поле есть враг, с которым они находятся в перманентной готовности к нападению.

Владимир Благов.

Папа говорит, что, если этот человек появляется на горизонте, сделка на пятьдесят процентов не выгорит.

Я лежу на кровати в номере отеля и изучаю потолок, отчетливо понимая, что отцу еще повезло: появление Даниила Благова сводит шансы на то, что мой отпуск будет хорошим, практически к нулю. Интуиция меня редко подводит, а сейчас она вопит об опасности.

В немом бессилии бью кулаком подушку.

Ну что за дурацкая ирония судьбы? Каникулы мечты с любимым парнем стремительно летят в трубу по вине сына злейшего врага моего отца. Я чувствую, что Благов здесь для того, чтобы все испортить. И меня злит, что я ничего не могу с этим поделать.

В расстройстве закрываю приложение для бронирования отелей и откладываю телефон. Свободных номеров в других местах на курорте на новогодние каникулы нет. Я не привереда, и сейчас особые обстоятельства, но вряд ли Сашка согласится переехать в хостел на высоте тысяча сто метров над уровнем моря.

Во мне тлеет малюсенькая надежда, что Благов может уехать до Нового года. В конце концов, не будет же он торчать тут всю неделю? У него наверняка насыщенная светская программа в Москве – каждый день новая девица с пропиской в ЦАО. Я действительно думаю, что шансы на то, что он вернется в столицу, избавив меня от необходимости лицезреть его в Сочи, есть. Просто я привыкла не ждать, а действовать, и меня бесит, что сейчас я абсолютно ограничена в маневрах.

Журчание воды в ванной прекращается, и я пытаюсь вернуть на лицо выражение беззаботности. Через двадцать минут мы должны встретиться внизу в ресторане Seasons с Ленкой, ее парнем Костей и несколькими его знакомыми. С ребятами мы дружим со школы и, несмотря на то что я и Сашка теперь прописались в Москве, а они остались в Ростове, сохранили отличные отношения. Так что я с нетерпением жду совместного ужина.

Слышу звук открывающейся двери и приподнимаюсь на кровати. В дверном проеме стоит Сашка, и единственное, что на нем из одежды, – махровое полотенце, обернутое вокруг бедер. Вторым полотенцем он интенсивно трет волосы, отчего его развитые ежедневными тренировками мускулы ритмично двигаются под бронзовой кожей, а меня бросает в жар.

Офигенный у меня парень.

Сашка откидывает полотенце на кресло и смотрит на меня. Его взгляд скользит по ногам в прозрачных чулках, проходится вдоль подола юбки, задерживается на груди, прикрытой тонким свитером, и упирается в глаза.

– Обалденно выглядишь, малыш, – констатирует Сашка. Его низкий голос с хрипловатыми нотками посылает возбуждающие стрелы книзу моего живота, и я довольно улыбаюсь.

Встаю с кровати и нежно прикасаюсь губами к его губам, но когда Сашка пытается прижать меня к себе, со смешком изворачиваюсь:

– Ты мокрый. У меня на юбке останутся разводы. Дурацкий шелк.

Сашка рычит и притягивает меня к себе. Расстояние между телами сохраняет, чтобы шелковая юбка не пострадала, но смачно и крепко целует меня в губы.

– Припомню тебе это ночью, – шепчет он.

\* \* \*

К ужину мы спускаемся точно в назначенное время. На мне серебристая юбка миди из текущего шелка и свободный кашемировый свитер с высоким воротом. Волосы я собрала в небрежный узел на затылке, глаза подвела, а губы красить не стала – бесполезное занятие, потому что Сашка обычно целовывает любую помаду еще до того, как подадут первое блюдо.

Друзей я замечаю, как только мы входим в ресторан – их диванчик расположен к нам лицом в ближайшем от входа углу. За столом они не одни – оживленно беседуют с парнем и девушкой, которые сидят к нам с Сашкой спиной, так что я не могу разобрать, знаю их или нет.

Поднимаю руку, чтобы махнуть Ленке, но в этот момент парень напротив нее чуть поворачивает голову, демонстрируя идеальный профиль, и я столбенею.

Это просто смешно.

Я хочу развернуться и трусливо сбежать, но одергиваю себя. Да, похоже, что знакомым Костика по невероятному совпадению оказывается Даниил Благов, но это не повод вести себя как неврастеничка.

Продолжаю идти вперед, ощущая на пояснице теплую ладонь Сашки. Сердце грохочет как отбойный молоток, нервы натягиваются, а ноги с каждым шагом наливаются свинцом. Когда до стола ребят остается всего пара шагов, мы наконец попадаем в поле зрения Ленки. Она вскакивает с места и с широченной улыбкой бросается мне навстречу.

Я скучала по ней. Очень. Но пока она обнимает меня, я словно в замедленной съемке наблюдаю, как со своих мест поднимаются Костя и Благов. Вздергиваю подбородок: последнего я должна встретить холодной и уверенной, а не испуганной и смущенной.

Он во всем черном. Шелковая рубашка-косоворотка, черный пиджак, узкие черные брюки. Красив. Так красив, что мое сердце падает вниз и бьется где-то в районе желудка.

Смотрю, как Костя представляет Благова Сашке, как они жмут друг другу руки, а у самой по спине ползет струйка холодного пота, потому что наступает мой черед.

– Даня, познакомься с Мирославой, – говорит Костя. – Мира, Даниил Благов.

Наглец оборачивается ко мне, впиваясь в меня своим синим взглядом. Молчит чуть дольше, чем того позволяют приличия. Неужели, удивлен?

Я тоже молчу, но у меня просто язык прирос к гортани, так что я бы и под пытками не смогла вымолвить ни слова. Нахожу в себе силы лишь поднять руку, чтобы поздороваться.

Синие глаза смотрят на меня в упор, потом перемещаются на мою протянутую руку. В следующую секунду крепкие пальцы обхватывают мою ладонь, и я каким-то неведомым органом чувствую, что непроницаемое выражение на его лице не сулит мне ничего хорошего.

– Мы знакомы, – лениво произносит Благов, а потом делает невозможное: дергает меня за руку, так что даже Сашка не успевает ничего сделать, и на одно короткое мгновение прикасается горячими губами к моей щеке.

Ощущая, как по телу разбегается непроизвольная дрожь, сердце бьется быстрее, отдаваясь в груди глухими ударами, а в том месте на щеке, которое он отметил своими губами, покалывает.

Когда он отстраняется, на его лице цветет привычная циничная усмешка. Я знаю, что он знает, что я хотела бы сохранить наше знакомство в тайне, но своим беспардонным поведением как бы намекает мне: будет так, как хочу я.

Нечеловеческим усилием воли я сдерживаюсь, чтобы не вклепить ему пощечину на виду у друзей и гостей ресторана, который в этот вечерний час забит битком. В его глазах читаю откровенный вызов, будто он ждет, что я именно так и сделаю.

– Здравствуй, – мысленно аплодирую себе, потому что мой голос звучит ровно и спокойно, несмотря на то что мне хочется разорвать его на куски. И, предвосхищая волну вопросов, поворачиваюсь к своему парню и добавляю: – Наши родители знакомы.

Сашка галантно отодвигает для меня стул, и я машинально сажусь на него. До того как занять место рядом, он на мгновение задерживает свою руку у меня на плече – этот жест внимания, такой знакомый, такой родной... По моему телу прокатывается теплая волна, и я чувствую облегчение. Сашка рядом. Со всем остальным я справлюсь.

Когда все усаживаются, Костя представляет мне Веру, спутницу Даниила. Не хочу смотреть на нее, но правила приличия не оставляют мне шансов.

– Привет, – говорю я с пластиковой улыбкой.

– Привет, – отвечает она.

Даю себе две секунды, чтобы рассмотреть ее. Этого оказывается достаточно, чтобы понять, насколько она великолепна. Прямые иссиня-черные волосы блестящим водопадом лежат на плечах, эффектно контрастируя с молочно-белой кожей. Правильные черты лица с экзотическим разрезом глаз подчеркнуты искусным макияжем. На ней платье из последней коллекции Gucci за две тысячи евро. Я знаю, потому что смотрела на него в интернет-магазине. Не девочка, а картинка. Идеальная пассия для Благова на... Сколько там у него подружки задерживаются?

Неделю?

Костя извлекает из ведерка со льдом бутылку шампанского. Раздается легкий хлопок, и золотистая искрящаяся жидкость течет в бокалы.

– За знакомство, – говорит он.

– И за приятные неожиданности, – добавляет Благов.

Его голос звучит спокойно и неторопливо, и в словах нет ничего криминального, но смотрит он прямо на меня, наплевав на то, что могут подумать остальные, а от его улыбки низ моего живота сводит сладкой судорогой.

Это просто нелепо.

Слышу одобрительный гул и звон хрусталя, но отказываюсь от шампанского. Плевать, как это выглядит со стороны, я лучше умру от жажды, чем пойду на поводу у этого типа. К тому же лучше мне сохранять трезвую голову.

– Не люблю неожиданности, – говорю я спокойно, выдержав пристальный взгляд Благова, и демонстративно отставляю бокал.

Сашка наклоняется ко мне и нежно целует в висок.

– Ты в порядке, малыш? – спрашивает он тихо.

Я знаю, что Благов смотрит. Чувствую его тяжелый взгляд, скользящий по лицу, поэтому поворачиваюсь к своему парню и коротко прикасаюсь своими губами к его губам.

– Голова немного болит. Не хочу пить.

Он согласно кивает: на лице лежит печать беспокойства, в глазах – искреннее участие. Чувствую себя отпетой мошенницей, потому что у меня, разумеется, ничего не болит. Разве что мозг плавится от навязчивого внимания Благова.

Я принужденно улыбаюсь, ощущая, как в ушах отдается биение собственного сердца, и совершенно не представляю, как переживу сегодняшний вечер.

К счастью, в этот миг к столу подходит официант с меню, и я могу сделать вид, что занята изучением блюд. Так и делаю, хотя слова и картинки перед глазами расплываются. Ну не могу я думать о еде, когда Благов сидит напротив. Он слишком наглый. Слишком вызывающий. Слишком привлекательный. Его просто слишком много, чтобы я могла быть спокойной.

Сколько шансов давала вселенная на то, что именно он окажется знакомым Кости? Один на миллион? Мне хочется истерически рассмеяться, потому что все происходящее не поддается никакому разумному объяснению.

Беседа за столом проходит мимо меня. Даже Ленка после нескольких попыток разговаривать меня и получив на все свои вопросы односложные ответы, бросает это занятие и теперь ковыряется в своей тарелке с уткой под клюквенным соусом. С Благовым я общаюсь исключительно с помощью холодных взглядов. Ненавижу его. Испортил мой вечер, а смотрит так, словно делает мне великое одолжение.

Когда приносят еду, я без аппетита смотрю на свой экзотический салат, который заказала в порыве безумия, просто тыкнув в первую попавшуюся строчку. Это прям апофеоз этого вечера: еще и голодной останусь!

У Сашки на тарелке огромный лобстер, который не вызывает во мне энтузиазма, а у Благова, как назло, огромный кусок мяса с соусом. Дразнящий запах чеснока и специй, который исходит от подливки к стейку, наполняет мой рот слюной. Не блюдо, а амброзия. Нервно облизываю кончиком языка губы и тарашусь в его тарелку.

Благов принимается за еду, а я как зачарованная сижу и не могу отвести взгляд от длинных пальцев, которые уверенно орудуют ножом и вилкой.

– Хочешь кусочек? – раздается вдруг.

Точно воришка, застигнутая на месте преступления, я медленно поднимаю глаза.

Благов ловит мой взгляд. Лицо остается непроницаемым, но в глубине глаз тлеют насмешливые огоньки. Это его первое прямое обращение ко мне за весь вечер после той демонстрации при встрече.

Качаю головой и смотрю в свою тарелку. Одна трава и грибы. Ну что за невезуха?

– Мира, ты что-то покраснела, – слышу голос Сашки у своего уха. – Ты точно здорова? Хочешь, провожу тебя в номер?

Я киваю. Да, я готова уйти, чтобы закончить эту извращенную пытку Даниилом Благовым. Плевать на испорченный вечер, у меня будут другие только с теми, кого я хочу видеть за столом.

– Мне действительно нездоровится, прости, – говорю я. – Я пойду отдохну, а ты оставайся.

Встаю из-за стола под удивленные взгляды собравшихся и озвучиваю банальную отмазку про головную боль. Сашка поднимается следом за мной и, легонько прижав меня к себе, целует в щеку.

– Я скоро, малыш, – шепчет он.

Я киваю и ухожу.

В номере механически смываю макияж и переодеваюсь в пижаму с шортами. Ложусь на большую двуспальную кровать лицом к окну и уныло смотрю в темноту, подсеребренную луной. За окном шумит река, но урчание моего желудка заглушает ее. Мысленно ругаю себя за то, что не додумалась поклевать хотя бы тот паршивый салат.

Раздается стук в дверь. Я вскакиваю на кровати, прижимая колени к груди. У Сашки есть ключ, а больше я никого не жду. Когда стук повторяется, сползаю с кровати и на цыпочках подхожу к двери. Глазка, как назло, нет. Прикладываю ухо к деревянной поверхности, но не слышу ни звука. Наверное, ошиблись?

Не может же Благов быть настолько безбашенным, чтобы притащиться в мой с Сашкой общий номер. Или может?

После секундного колебания совсем немного приоткрываю дверь, чтобы иметь возможность захлопнуть ее, но, к моему удивлению, там стоит не Благов.

– Обслуживание в номер, – с профессиональной улыбкой произносит молодой парень в форме официанта.

Я шире открываю дверь и отхожу, чтобы он мог вкатить свою тележку.

– Я должна оплатить? – спрашиваю в замешательстве.

– Все уже оплачено, – он улыбается. – Приятного аппетита.

Я киваю, как болванчик. Когда за официантом закрывается дверь, подхожу к тележке и снимаю с единственной тарелки металлическую крышку.

Комнату заполняет дурмящий аромат чеснока, специй и отлично приготовленного мяса.

## Глава 4

Утро я встречаю в боевом настроении. Просыпаюсь ни свет ни заря, высовываю нос из-под невесомого пухового одеяла и долго лежу, глядя на сопящего рядом Сашку. Он добрый, красивый, и я его люблю. Пусть Благов испортил мне вечер и ночь, но впереди каникулы, которые я ему так просто не отдам.

В комнате царит полумрак. Подхожу к большому окну от пола до потолка, открываю тяжелые портьеры и замираю от восторга. Воздух за окном кажется золотым от ярких лучей восходящего солнца, которые многократно отражаются от снежных покровов. Но самое главное, передо мной предстают совершенно умопомрачительные горы, которые, как величественные стражники, охраняют долину. Вчера в сумерках я просто не увидела, что они кольцом опоясывают курорт, поэтому сегодня оказалась не готова к такому великолепному зрелищу.

Позволяю себе насладиться моментом и мчусь в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Когда возвращаюсь в комнату, замечая царящий тут беспорядок.

Ночью, стараясь не разбудить меня, Сашка вытряхнул из сумки все свои вещи в поисках чего-то необходимого, и теперь его джинсы, свитера и футболки кучами свалены на полу и кресле. Его усилия были напрасны – я прекрасно слышала его возню, но по мотивам, которые мне самой сложно объяснить, предпочла сделать вид, что сплю.

Переступаю через пустую сумку и подхожу ближе. С кровати доносится мерное глубокое дыхание. Смуглое мускулистое тело ярким пятном выделяется на фоне белоснежных простыней. Сашка спит на животе, распластавшись поперек кровати и обнимая одной рукой подушку. Присаживаюсь на краешек постели и любуюсь его лицом. Сон смягчил брутальную резкость его черт. Темные длинные ресницы отбрасывают мягкие полукруглые тени на его щеки, слегка приоткрытые тонкие губы кажутся теплыми и нежными. Разглядываю его со смешанным чувством любопытства и легкого смущения. Сашка всегда будет моим первым и единственным мужчиной. За время, которое мы вместе, я успела хорошо изучить его, но просыпаться с ним по утрам вот так, как сейчас, – нахожу в этом столько новой интимности, особого доверия. В этот миг особенно остро чувствую вину за вчерашний вечер и особенно за ночь и очень хочу все исправить.

Протягиваю руку и кладу Сашке на спину. Пальцы ласково скользят по теплым гладким плечам, пробегают вдоль позвоночника и, встретив преграду в виде сбившейся простыни, останавливаются на талии. Он не реагирует. Тогда я осторожно подцепляю край простыни и тяну ее вниз. Слышится легкий вздох, но Сашка лежит все так же неподвижно. Осмелев, снова тащу простыню вниз.

– Мама не учила, что с мужчинами нельзя вести себя подобным образом в столь ранний час? Последствия могут быть самыми неожиданными, – раздается хриплый после сна голос Сашки.

Не успеваю ответить, как он молниеносно переворачивается, сильная рука хватает меня за локоть и дергает. Взвизгнув от неожиданности, я падаю на постель и оказываюсь прижата к матрасу жарким телом.

– Нет, – бормочу я и улыбаюсь. – Полагаю, мама в подобной ситуации повела бы себя точно так же.

Сашка обхватывает мою ладонь и подносит к губам, а потом целует каждый пальчик у основания. Его глаза исследуют мое лицо, скользят вниз к шее и груди, с веселой насмешкой отмечая пижаму с Микки, которую я надела на ночь. Запоздало думаю, что сейчас бы пригодилась моя коллекция Agent Provocateur, но тут рука Сашки оказывается на моей талии и медленно ползет вверх, сминая футболку и обнажая кожу. Все перестает иметь значение. Дыхание

сбивается, внизу живота разливается тепло, и в тот момент, когда я готова взвыть от желания, тишину комнаты разрезает громкий звонок телефона.

– Черт! – бормочет Сашка и смотрит на экран. – Я забился с Костиком пойти в горы к самому открытию трасс. Ночью снега навалило, кайф оторваться на пухляке. Малыш, извини, давай в другой раз.

Он резко поднимается с постели, так что я даже не успеваю сомкнуть руки вокруг его торса в попытке удержать рядом. С губ срывается вздох разочарования. Это нормально, что мы уже почти сутки рядом, а до сих пор не ушли дальше легкого петтинга? К тому же я тоже катаюсь, и вполне неплохо. Мог бы меня взять, а не Костю.

Когда Сашка скрывается в ванной, с минуту лежу на кровати, успокаивая взбунтовавшиеся гормоны, потом беру телефон и пишу Ленке. Раз наши парни нас динамят, хоть с подругой с глазу на глаз поболтаю.

\* \* \*

В отеле на завтраке отличная шведка, так что, помня вчерашний прокол на ужине, я решаю ни в чем себе не отказывать. Набираю огромную тарелку закусок и сажусь на диван напротив Ленки. Подруга зевает и медитативно пьет кофе, а на шее у нее свеженький засос. Подозреваю, что ее ночь прошла куда более насыщенно, чем моя.

– Ты не беременна? – внезапно спрашивает Ленка, оценивающим взглядом изучая гору еды на моей тарелке. – Вчера за ужином ты так странно себя вела.

– Сто процентов нет, – отвечаю со смешком. – Вчера я просто переутомилась.

– Помнишь Лизку из параллельного класса? Она тоже так говорила, а оказалось, залетела.

– Уймись, – отвечаю твердо, отправляя в рот кусочек лосося. – Я не беременна.

– Ладно, – примирительно ворчит подруга, утаскивая у меня ломоть сыра. – Рассказывай, как поживает столица.

Я расслабляюсь и начинаю посвящать Ленку в подробности своей жизни в Москве, а она в ответ травит байки о наших общих знакомых из Ростова.

– А Даниила ты откуда знаешь? – вдруг задает она вопрос, который моментально портит мне настроение. – Тако-о-ой парень.

– Раз в жизни его видела, – коротко бросаю я. – Он не в моем вкусе. А у тебя с Костей проблемы?

– С чего ты взяла? – на ее лице написано удивление.

– С твоих придыханий по Благову.

Ленка непонимающе смотрит на меня пару секунд, а потом пожимает плечами.

– Я гедонист, – поясняет она философски. – Могу оценить горячего мужика, даже при наличии не менее горячего собственного.

Поджимаю губы и остервенело жую помидор. Отчего-то бесит, что Ленка считает Благова горячим.

\* \* \*

После завтрака мы с подругой идем осваивать кавказские хребты горнолыжного курорта. Наряженные в яркие спортивные костюмы, заходим в первый попавшийся прокат и набираем инвентарь, а потом топаем на подъемник.

Пока едем в кабинке, пишу Сашке, чтобы узнать, где его искать. Пять минут пялюсь на экран, но он так ничего и не отвечает. Обидно даже: пока я думаю, как внести огонька в наши отношения, он катается, забыв обо всем – судя по мессенджеру, последний раз в Сети был в 7.30 утра.

Чем выше поднимается кабинка канатной дороги, тем живописнее становятся виды вокруг. Бросаю телефон обратно в рюкзак и, глаза по сторонам, начинаю испытывать приятное волнение, которое вытесняет обиду на Сашку.

Я на лыжах с шести лет катаюсь. До профессионала мне, конечно, далеко, но по черным трассам пару раз умудрялась съехать без потерь. Вот Ленка неофит. Вижу, что вся эта горнолыжная тема не вызывает в ней энтузиазма – так, разве что на пару фоток для соцсетей.

– Боишься? – спрашиваю серьезно.

– Думаю подождать тебя в баре на пике, – честно отвечает она.

– Да брось ты, я помогу. Или давай инструктора возьмем, – предлагаю я. – Он быстро из тебя профи сделает.

Когда кабинка высаживает нас на станции Роза Пик, мы с Ленкой толкаемся среди румяных лыжников и сноубордистов в поисках инструкторов.

– Мир, да не возись ты со мной, – говорит подруга, следуя за симпатичным парнем, который вызывается ей помочь. – Я попрактикуюсь, а ты иди катайся. Вижу, аж дрожишь от нетерпения.

– Не обидишься? – с сомнением спрашиваю я.

– Умоляю тебя. – Ленка закатывается глаза.

– Я только разок спущусь вниз и сразу вернусь на подъемнике, ладно? Потом вместе будем кататься.

Когда подруга уверенно кивает, я проверяю крепления своих лыж, беру в руки палки, надвигаю на глаза очки и неспешно съезжаю к трассе.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Толчок.

Белоснежные вершины, неправдоподобно синее небо, яркое солнце, сигнальные флажки – все мелькает в моих глазах, сливаясь в одну картину. Стремительно несусь по крутому склону, опьяненная ощущением скорости и свободы. Адреналин бурлит в крови, сердце ритмично стучит. Группируюсь в попытке увеличить скорость. Уверенно объезжаю один снежный завал, минуя другой, впереди вижу новое препятствие, но вдруг меня как куклу подбрасывает вверх, одна палка выскальзывает из руки, и я падаю в снег.

Все происходит так быстро, что я не успеваю даже испугаться. Кубарем качусь вниз. Слышу чужой вскрик. Свой стон. Звучное проклятие. А потом наступает тишина.

Понятия не имею, сколько проходит времени, прежде чем я понимаю, что все мое тело подмял под себя кто-то в сером сноубордическом костюме. Пытаюсь что-то сказать, но из груди вырывается только глухой всхлип. Кто бы ни был этот «кто-то», он сильно придавил мне грудь.

В отчаянной попытке насытить легкие кислородом, начинаю барахтаться. Мои уши вновь достигает сдавленное ругательство. Голос грубый и холодный как лед. Мужчина.

Раздается какой-то странный звук, непонятная возня, а в следующий миг легкие обжигает холодный воздух – я снова могу свободно дышать. Делаю несколько коротких вдохов, потом негнущейся рукой снимаю защитные очки и приподнимаюсь на локте.

Мужчина лежит буквально в десятке сантиметров от меня, уткнувшись лицом в снег.

Чувствую, как сердце сжимают клешни страха. Протягиваю руку и неуверенно дотрагиваюсь до его плеча. Мысли, одна страшнее другой, нестройным роем носятся в голове.

– Эй, – мой голос звучит глухо – должно быть, от испытанного шока. – Вы живы?

Вместо ответа слышу еще одно смачное ругательство. А потом мужчина поднимается на руках и перекачивается на спину.

Забываю слова, которые я хотела сказать. В этот момент я вообще обо всем забываю. Знаю только, что могу написать многотомник о том, как сделать и без того нелегкое положение



просто невыносимым. Почему? Потому что мужчина, который лежит на снегу, это не кто иной, как Даниил Благов.

## Глава 5

Пытаюсь сесть, но у меня не выходит. Одна нога с прикрепленной к ней лыжей увязла глубоко в снегу, сводя на нет усилия, которые я прилагаю, чтобы подняться. В отчаянии думаю, что без посторонней помощи мне не обойтись, и нехотя смотрю на Благова, который все еще неподвижно лежит, уставившись в небо.

Может, с ним что-то не в порядке? Вдруг от столкновения со мной у него перелом или сотрясение.

Взглядом ощупываю его руки, ноги и туловище. Широкая грудная клетка бурно вздымается – он дышит, уже хорошо. С секундной заминкой, но все же поднимаю глаза на его лицо, наполовину скрытое шлемом и горнолыжными очками.

Тело простреливает электрический разряд, заставляя меня механически облизать губы. У меня минута слабости, и никто не видит, поэтому могу себе признаться, что нахожу Благова одуряюще привлекательным. Вроде и не классический красавчик, а общая картина просто с ног сшибает. По крайней мере, меня точно.

Пока глазею на него, напрочь забыв о лыжах, он внезапно садится на снегу, опровергая мои подозрения на переломы, снимает с головы защитный шлем и быстро отцепляет сноуборд от ботинок. А потом поворачивается и смотрит прямо на меня.

Время замирает. Земля не вертится вокруг солнца и вокруг своей оси. Ветер стихает.

Взгляд у Благова такой холодный, но не злой. И как будто ласкающий. И оценивающий. И смотрит он так, словно знает что-то такое, чего я не знаю и никогда не узнаю. И вообще никто, кроме него, не узнает. Вспоминаю поговорку про кролика, загипнотизированного удавом. Только ведь я не кролик. По крайней мере, не была им до встречи с этим человеком.

– Паршиво катаешься, Громова, – первым нарушает игру в гляделки Благов. – Не умеешь – сиди в лягушатнике, нечего соваться на трассы для взрослых.

Немею от его наглости и даже не сразу нахожусь что ответить. А он в это время легко встает на ноги и протягивает мне руку.

– Сильно ушиблась? – спрашивает уже мягче, сканируя взглядом мое тело. – Руки-ноги целы? Голова не кружится?

Мое тело замуровано в лыжный костюм от шеи до пяток, но странным образом его взгляд пробивает эту броню. Почти физически чувствую его взгляд на груди, бедрах, ногах. Извращение какое-то.

Благов нетерпеливо трясет своей рукой перед моим лицом, как бы напоминая мне, что снизошел до помощи, а я чувствую, как на меня накатывает волна бешенства.

– Я отлично катаюсь, – огрызаюсь едко. – А твоего мнения никто не спрашивал и за помощью никто не обращался.

– Мне показалось, что без посторонней помощи тебе не обойтись, впрочем, я, конечно, мог ошибиться, – не скрывая иронии в голосе, произносит Благов.

Вздергиваю подбородок и, насколько возможно в моем положении, с достоинством выпрямляю спину.

– Действительно ошибся. – Мой голос сладок, как майский мед. – Мне уже не нужна твоя помощь. Ты и так здорово помог, сбив меня с ног.

Он недоверчиво таращится на меня, словно у меня вдруг выросли рога.

– Я сбил? – восклицает изумленно. – Ты как сумасшедшая неслась на меня по трассе.

Игнорирую его замечание, подозревая, что в его словах есть большой процент истины, и пытаюсь самостоятельно выволить ногу из лыжного плена. Благов молчит и насмешливо наблюдает за моими жалкими попытками встать, больше не предпринимая никаких действий, чтобы помочь.

Придурок.

– Где твой хоккеист? – внезапно спрашивает он. – Что-то он подозрительно долго спешит на помощь.

– Не твое дело, – огрызаюсь я.

Все-таки этот парень обладает невероятной способностью вытаскивать на свет самое худшее, что есть во мне. Я знаю, что, если бы я оказалась в подобной ситуации с любым другим человеком, уже давно бы извинилась, а тут прям не могу – какая-то физическая необходимость хамить ему.

Благов демонстративно вздыхает, обходит меня по кругу, пока я из последних сил сражаюсь с лыжей, и вновь подает руку. На этот раз молча.

Делаю вид, что ослепла, и пытаюсь приподняться на руках, но только сильнее проваливаюсь в снег. Лыжа никак не хочет вытаскиваться из западни, и я знаю, что в своих безуспешных попытках встать на ноги выгляжу как неповоротливая корова.

Ну почему, почему я не столкнулась с каким-нибудь очаровательным дядюшкой, главой семейства? Угораздило же меня влететь в этого сексуального паршивца, который теперь стоит и насмешливо наблюдает за моей жалкой возней.

– Мирослава! – явно теряя терпение, рывкает Благов, снова раздражающе потряхивая рукой перед моим носом.

Он впервые называет меня по имени, и от этого волна мурашек несется от затылка по спине и исчезает где-то в кончиках моих пальцев. Я ошеломлена звучанием собственного имени на его губах, и барахтанье в снегу отнимает слишком много сил. С ужасом чувствую, как на глазах выступают предательские слезы негодования и обиды, когда виновник всего вдруг наклоняется и я чувствую его крепкий захват на своей талии.

– Хватит капризничать, – с этими словами он выдергивает меня из снега и ставит рядом с собой.

От этого неожиданного маневра мои ноги разъезжаются в стороны, словно я стою не на снегу, а на только что залитом льду, и, потеряв равновесие, я лечу прямо на Благова.

Он явно не ожидал, что я выкину подобный цирковой номер, и, не успев ничего понять, летит в снег вместе со мной.

Н-да, Мирослава, ничего не скажешь – живописная картина. Благов лежит на спине, я сверху. Наши грудные клетки соприкасаются, так что я через два слоя курток слышу ритмичный стук его сердца, а мой нос упирается в его шею, от которой приятно пахнет апельсиновой коркой и мускусом.

– Ты убить меня, что ли, хочешь? – спрашивает он строго, но мне почему-то кажется, что в его голосе проскальзывают нотки веселья. – Ударила меня своей лыжей по ноге. Больно, между прочим. Если мне придется заняться ее лечением...

Он не договаривает, потому что я дерзко обрываю его на полуслове:

– Тебе не ногу нужно лечить, а голову. Никто тебя убивать не собирался, так же как никто не просил тебя вытаскивать меня из снега. Если бы не демонстрировал свои замашки альфа-самца, то не лежал бы сейчас подо мной.

Едва последние слова слетают с губ, до меня доходит их двусмысленность. Кровь приливает к щекам, дышать нечем, и я начинаю отчаянно потеть от жара, который разливается по телу.

Осторожно приподнимаюсь на руках и с опаской смотрю на красивое мужское лицо в опасной близости от моего собственного. Теперь Благов улыбается, откровенно наслаждаясь моим смущением.

– А знаешь, лежать «под тобой» не так уж и дурно, – очередная дерзость вылетает из его прекрасного рта, пока глаза исследуют мои губы, подрагивающие не то от холода, не то от волнения.

– Иди к черту! – пытаюсь отстраниться от него и встать, но мне мешают мои дурацкие лыжи и сильные руки, которые по непонятной причине лежат на моей талии.

– Знаешь, в детстве я любил спать с маленькой плюшевой обезьянкой. Надо признаться, с тобой гораздо приятнее, – протяжно произносит Благов, дыша мне в лицо едва уловимым ароматом мяты. – Могу только предположить, каково будет, когда мы вдвоем завалимся в постель.

Смотрю на него в немом изумлении. Рот открывается и закрывается, как у рыбы, выброшенной на берег.

Как он сказал? Когда мы вдвоем завалимся в постель. «Когда», а не «если»?

Самовлюбленный нахал! Думает, я так просто упаду к его ногам, как все его девицы?

– Я тебе не обезьянка, – раздраженно бросаю я. – И отпусти меня наконец!

– Если я тебя отпущу, где гарантии, что ты не упадешь снова и на этот раз действительно не покалечишь меня?

– Могу дать тебе только одну гарантию: если ты не прекратишь меня лапать, я действительно покалечу тебя.

Благов весело хмыкает. Его чуть самодовольная улыбка обнажает ряд ровных белых зубов, контрастирующих с тронутой загаром кожей. Очевидно, что он не воспринимает мои угрозы всерьез, но руки убирает.

Перекатываюсь на бок и сажусь, мечтая избавиться от злосчастной пары лыж. Наклоняюсь вперед и отцепляю крепление на одной ноге, потом на другой. Нехитрая инспекция показывает, что одна из лыж треснула посередине, хотя еще не разломилась окончательно.

Превосходно, Громова! Во время затяжного полета над трассами ты где-то посеяла палку и сломала лыжи, но самое главное, так позорно свалившись, нанесла ощутимый удар своей гордости.

В раздражении отпихнув от себя инвентарь, украдкой наблюдаю, как Благов встает и стряхивает снег со своей куртки.

В этот момент в моем рюкзаке звонит телефон. Достая его и смотрю на фотку Сашки на экране. Перевожу звонок в беззвучный режим и кидаю телефон обратно. Сейчас точно не самое лучшее время, чтобы трепаться с бойфрендом.

Вскакиваю на ноги, поднимаю лыжи и единственную оставшуюся у меня палку. Закидываю ношу на плечо и делаю несколько шагов вверх по склону.

– И куда ты собралась? – раздается раздражающий голос Благова.

– Не твое дело.

– Боюсь, мое, так как если ты собралась идти в гору, то вскоре тебя собьет какой-нибудь горе-лыжник наподобие тебя. Так что считай, что я предупреждаю тебя об опасности.

– Ты предупредил. Доволен? – упрямо поджимаю губы и делаю еще несколько шагов вверх.

– Послушай, кататься ты уже все равно не сможешь, – говорит Благов тоном, каким разговаривают с непослушными детьми. – Так зачем идти в гору? Тут за поворотом канатная станция.

Мне очень не хочется слушать Благова, но идти в гору, когда внизу канатка, просто глупо. Даже мое нежелание находиться в обществе этого типа не позволяет мне поддаться природному упрямству.

– Куда идти? – спрашиваю холодно.

Взмахом руки он задает направление, и я начинаю спускаться с горы.

– Поужинай со мной, – предлагает Благов, догнав меня. А я столбенею от очередного наглого предложения. С авто не прокатило, теперь я в его глазах доросла до ужина?

– Иди к черту!

– И это твоя благодарность? – Судя по веселым ноткам в его голосе, другого ответа от меня он и не ждал, а вся ситуация его просто забавляет.

- У тебя подружка в номере. С ней ходи на ужины. Я занята.
- Я хочу с тобой, – просто отвечает он.
- Извини, жизнь так устроена, что мы не всегда получаем то, что хотим.
- Я – всегда, – говорит он твердо, ловко закидывает сноуборд на плечо и в раздражающей меня манере командует: – Иди за мной.

## Глава 6

Оказывается, что до ближайшей станции канатной дороги больше километра пути. Сущий пустяк, если топашь по асфальту в хорошей компании, и настоящий ад, когда плетешься в лыжных ботинках по рыхлому снегу вслед за Даниилом Благовым.

Мы идем по обочине вдоль трассы, и наше уединение лишь изредка нарушают проносившиеся мимо экстремалы, которые решили пощекотать нервы отрывистым спуском. Погода неумолимо портится: ветер усиливается с каждой минутой, небо заволокли тучи, и кажется, вот-вот пойдет снег. А еще у меня сел телефон, который накануне вечером я забыла поставить на зарядку. Хорошо, что хоть Ленке успела написать, чтобы та напрасно не ждала меня на пике.

В этот момент я почти благодарна Благову за то, что он не бросает меня: прекрасно понимаю, что он может встать на свой целенький борд и уехать, но он этого не делает, а я не решаюсь подкинуть ему эту идею. В моей ситуации даже его компания лучше, чем гордое одиночество.

– Будь осторожна, – мой спутник нарушает затянувшееся молчание. – Тут поскользнуться можно.

– Обойдусь без твоих подсказок! – рычу я, в раздражении глядя ему в спину.

Я не плакса, но идти действительно тяжело. Ноги увязают в снегу, а поломанные лыжи, которые я тащу, закинув на одно плечо, то и дело норовят соскользнуть с гладкой ткани куртки, так что мне приходится постоянно поддерживать их обеими руками.

– Помочь? – спрашивает Благов, оборачиваясь ко мне.

– Нет, – бросаю в ответ гордо. Не настолько уж я отчаялась, чтобы принимать от него подачки.

Он равнодушно пожимает плечами и идет дальше, а я, чтобы отвлечься, вспоминаю все грязные словечки, которые могу применить к своему «спасителю» и ко всей этой нелепой ситуации.

– Не споткнись, – сухо произносит Благов, указывая на микроскопический снежный занос впереди.

– Да ты издеваешься надо мной! – кричу я.

Он оборачивается. В глазах смешинки, рот кривится в подобии улыбки, которую он отчаянно старается сдерживать.

– Ничто уже давно так не развлекало меня, как твое недовольное сопение, – признается он.

– Я тебе не клоун! – Мое возмущение не знает границ. – Хочешь посмеяться – сходи в цирк! Подарю тебе билет, если перестанешь доставать меня.

– Ты мне нравишься гораздо больше любого клоуна, – тянет он насмешливо.

– Ты отвратителен.

– А я-то надеялся на благодарность, – вздыхает Благов. – Похоже, глупо с моей стороны предупреждать тебя об опасности, предполагая, что ты не хочешь повторения эпизода в снегу...

Он внезапно останавливается и разворачивается ко мне всем телом, так что я практически налетаю на него.

– ...но если ты не против идеи полежать со мной...

– Да я бы лучше полежала с гадкой змеей!

– Я так и думал. – Он уже не пытается сдерживаться, а смеется в голос. – Не злись, мы уже почти пришли.

Действительно, через минуту трасса резко поворачивает вправо, и я вижу цивилизацию и муравейник людей!

В кабинке канатной дороги, спускающейся в долину, вместе с нами едут еще четыре человека, так что я избавлена от разговоров с Благовым. Специально сажусь на противоположную от него скамейку и демонстративно отворачиваюсь к окну, но проплывающая мимо снежная красота оставляет меня равнодушной.

В душе бушует ураган. Если бы мне нужно было дать ему название, пришлось бы именовать Даниилом.

– Не буду тебя благодарить и говорить «до встречи», – говорю сухо, когда мы через десять минут покидаем кабинку. – Искренне надеюсь, что больше не увидимся.

Вместо ответа Благов поднимает руку и костяшками пальцев прикасается к моему лицу. От неожиданности я замираю. Пульс ускоряется раз в десять, щеки вспыхивают.

– Кровь хорошо циркулирует, – констатирует он. – А я думал, ты совсем окоченела и растеряла свое красноречие, раз не проронила ни слова с тех пор, как мы сели в канатку. Рад видеть, что твой острый язычок на месте.

Почему-то мне очень хочется продлить ощущение его теплой руки на моей щеке, но я все же отталкиваю ее, чтобы не позволить себе всяких глупостей.

– Убери свои руки! – рычу я, тяжело дыша.

– И почему ты так отчаянно сопротивляешься нашей очевидной обоюдной симпатии? – спрашивает он с любопытством.

– Наглец! – говорю высокомерно. – Я здесь с парнем. Помнишь такого? Ты с ним ужинал вчера.

– Да ну! – Его это известие, похоже, ничуть не смущает. – И где он сейчас?

– Не твое дело!

– Разве? – Густые брови приподнимаются в демонстративном удивлении, когда он твердо произносит: – Я бы не оставил свою девчонку одну на горнолыжной трассе.

– Тогда где твоя вчерашняя пассия, моралист?

– Она не моя, – он делает ударение на последнем слове.

– Меня не касается, – бросаю я так громко, что семейная пара, проходящая мимо, оборачивается. Понижаю голос и выдыхаю: – Прощай!

Гордо вздергиваю подбородок и, отвернувшись от Благова, быстро иду к яркой вывеске с надписью «Прокат».

Румяный мужчина средних лет, который утром выдал нам с Ленкой лыжи, мрачнеет, едва замечает сломанный инвентарь на моем плече.

– Из меня получился никчемный лыжник, – вздыхаю я и поднимаю на него полные раскаяния глаза.

Видя мое расстройство, мужчина смягчается:

– Всякое бывает...

– Я заплачу вам за сломанные лыжи сверх залога, – говорю я и лезу в рюкзак, чтобы достать телефон для оплаты, и с ужасом вспоминаю, что он давно сел.

Да что за день такой сегодня?

– Извините, телефон сел, а у меня нет наличных, – говорю расстроено. – Можете подождать десять минут? Я схожу в отель за картой.

Мужчина хмурится, рука с терминалом повисает в воздухе.

– Я заплачу, – слышу ненавистный голос. В следующую секунду Благов прикладывает свой телефон к терминалу, из которого через три секунды выползает чек.

Раз, два, три...

Говорят, если сосчитать до десяти, можно справиться с приступом злости. Но даже если я сейчас досчитаю до ста, вряд ли смогу усмирить бешеную ярость, которую своим поступком будит во мне Благов.

В бессилии сжимаю кулаки. Ногти, довольно короткие, впиваются в ладони. Чувствую страшную потребность совершить физическое насилие над другим человеком. Но не драться же с ним в прокате, в самом деле.

Молча направляюсь к двери, посылая в сторону Благова взгляд, который должен испепелить его. К сожалению, он только вызывает очередную ленивую улыбку на его лице.

– Что ты о себе возомнил? – накидываюсь на него, едва за нами закрывается дверь проката. – Мне не нужна твоя помощь! Не нужны твои деньги. Вообще ничего от тебя не нужно!

– Брось злиться, Мирослава, – говорит он сухо. – Это такая мелочь.

Для него – может быть. Для меня это совсем не мелочь. Я не хочу быть обязана этому человеку ничем. И все же все сильнее увязаю в своих долгах ему.

– Выпьешь со мной сегодня вечером? – Его вопрос звучит почти предсказуемо. Вот она – моя расплата.

– Сколько раз повторять, что я здесь с парнем? – высокомерно говорю я.

– Ты слишком молода и красива, чтобы проводить время одна, пока твой парень занят другими делами, – жестко говорит он.

– А ты лезешь не в свое дело. Своей личной жизни нет, решил развлечься за мой счет?

– Никто еще не обвинял меня в этом.

– Просто тебе попадаются одни лицемеры.

– Да нет, – тянет он, – это ты лжешь, стараясь скрыть свои истинные чувства за агрессией.

Смотрю на него, как бык на красную тряпку. Сердце мое молотит в груди, ноздри раздуваются, руки чешутся от желания вонзить ногти в его надменное лицо. С досадой думаю, что Благов всякий раз умудряется оборачивать против меня мои собственные слова, а я ничего не могу с этим сделать. Как бы здорово было оказаться сейчас подальше от этого несносного человека. Например, на Барбадосе. Говорят, отличный остров и, главное, в тысячах километров отсюда.

– Мне надоел этот беспредметный разговор, – говорю я, пытаюсь вернуть утраченное равновесие. – Оставь меня в покое, Бла...

Я застываю, понимая, что впервые едва не назвала его по фамилии. Не хочу я этого – не хочу, чтобы меня с ним связывала даже такая банальность, как фамилия. Он для меня – пустое место. Без имени, без фамилии. Предпочитаю, чтобы так было и дальше.

– Меня Даниил зовут, – напоминает он, широко улыбаясь, с явным интересом наблюдая за моими душевными терзаниями. – Для тебя – Даня.



## Глава 7

Лежу на мягком ковре в нашем с Сашкой люксе и невидящим взглядом смотрю в потолок. Хорошее настроение, с которым я проснулась всего несколько часов назад, кажется событием, удаленным от меня на сто тысяч лет. Каждая клеточка тела звенит от напряжения, в душе борются гнев, обида и раздражение, но больше всего меня пугает загадочное тепло, которое разливается в груди каждый раз, когда я вспоминаю синие глаза Даниила Благова.

– Я не кролик! – бормочу в пустоту и с силой опускаю кулак на пол. Аутотренинг не помогает. Костяшки пальцев ноют, но эта физическая боль на несколько мгновений отвлекает меня от прокручивания в голове утренних событий, о которых я должна забыть.

И я забуду.

Больше никаких долгов – десять минут назад я передала портье конверт для Благова с наличными, сумма которых с лихвой покрывает его затраты на поломанные лыжи и вчерашний поздний ужин в номер. И на этом я ставлю в наших отношениях жирную точку.

Чтобы чем-то занять себя, встаю на ноги и иду к бару. Пачка сока и печенье – вот и весь мой нехитрый улов. Сажусь на пол в позу лотоса и тоскливо смотрю на еду. Несмотря на то что я пропустила обед, в горло ничего не лезет.

Да что за ерунда со мной происходит?

Прячу лицо в ладонях и глубоко дышу, как учили меня на трех занятиях йоги, которые я успела посетить до того, как решила, что медитации не для меня.

В этот момент входная дверь открывается, и на пороге я вижу Сашку. Он заходит в номер, гремя горнолыжными ботинками, прислоняет к стене свой продвинутый Burton, на ходу снимает шлем и тянется к застежке куртки.

– Малыш, что случилось? – спрашивает он, тяжело дыша.

– Телефон сел, – говорю я извиняющимся тоном. – Пришлось спускаться вниз, чтобы зарядить его и написать, что я уже тут.

– Я не мог до тебя дозвониться. Лена сказала, что ты без объяснения причин написала, что не сможешь подняться к ней на пик. До того как я получил от тебя сообщение «Я в номере», мое воображение успело нарисовать жуткие картины, – в голосе Сашки слышится неподдельное беспокойство. – Не пугай меня так больше.

Он скидывает ботинки и непромокаемые штаны и опускается на пол рядом со мной. Его лицо доброе и родное, в нем нет ни единой незнакомой мне черточки, а в глазах плещутся забота и волнение. Это становится последней каплей в череде сегодняшних событий, и я чувствую, как глаза наполняются слезами.

– Шшш... – шепчет он, беря мое лицо в ладони и заглядывая в глаза. – Ну что такое, Расскажи мне.

– Эти каникулы совсем не такие, как я себе представляла, – едва слышно бормочу я. – Мы тут почти сутки, а время вдвоем почти не проводим. Мне не хватает тебя.

Сашка сгребает меня в охапку, вместе со мной на руках поднимается на ноги, идет к кровати и, присаживаясь, устраивает меня у себя на коленях.

– Ты права. – Его голос тихий, спокойный, лекарством льющийся на мои раздраженные нервы. – Извини, что оставил тебя одну этим утром. Мне так хотелось катнуть, что я не подумал... Я такой дурак, Мира.

– Ты не дурак, – говорю я, целуя его в щеку. – Я понимаю.

– Да нет, я дурак, – вздыхает мой парень. – Не надо меня оправдывать. Как ты себя чувствуешь? Вечером тебе нездоровилось.

– Хорошо, – отвечаю тихо, обвивая руки вокруг его шеи. – Я чувствую себя очень, очень хорошо...

Губами тянусь к его губам, ощущая привычную теплоту и мягкость. Сашка кончиками пальцев ласкает мои щеки, затем погружает пальцы в распущенные волосы, и я чувствую давление его ладони на затылке.

– Саш, я люблю тебя, – прерывисто шепчу прямо в его губы. – Ты же знаешь, что я люблю тебя?

– Тише, малыш, ну ты чего? Конечно, я знаю...

Он знает, но я не могу отделаться от мысли, что я должна рассказать, показать, как сильно он нужен мне. Я тяну его за шею, теснее прижимая к себе. Наш поцелуй становится глубже, дольше. Саша опускает меня на кровать, и я чувствую на себе тяжесть его тела. Ощущаю, как рядом со мной вздымается его грудь, как стучит сердце, как дрожь волнами проходит по крупному мускулистому телу, вторя реакциям моего собственного организма.

Мы занимаемся любовью медленно и долго. Сашка не торопится, стремится дать мне возможность достичь пика прежде, чем отпустит себя сам. И когда пружина напряжения внутри меня распрямляется и по телу прокатывается волна наслаждения, все тревоги последних суток кажутся мне надуманными и не важными. Потому что все, что мне нужно, у меня уже есть.

Наступление сумерек мы встречаем вдвоем в нашем номере: тесно прижавшись к друг другу сидим на диване и смотрим «Один дома» по телевизору. Едим заказанную в номер пиццу, целуемся и синхронно отказываемся от приглашения друзей поужинать.

Я трусь спиной о грудь Сашки и чувствую, как мне тепло и хорошо в кольце его рук. На меня снисходит какое-то ленивое умиротворение, и я понимаю, что готова сидеть вот так всю жизнь.

Только в полночь, когда на экране ползут финальные титры второй части фильма, Сашка предлагает спуститься вниз.

– Пиццы мне мало, – отвечает он на невысказанный вопрос в моих глазах и поправляет локон, выбившийся из хвостика у меня на затылке. – Приглашаю тебя на романтический ужин для двоих.

У меня нет никакого желания идти вниз – я боюсь растерять там гармонию сегодняшнего вечера, но, глядя на энтузиазм Сашки, соглашаюсь.

– Надень свое лучшее платье, – говорит он, целуя меня в кончик носа. – А я позвоню и забронирую стол.

– Не думаю, что в это время там аншлаг.

– Значит, ресторан будет работать только для нас двоих.

Как я и ожидала, в этот поздний час не ярко освещенный зал ресторана оказывается практически пуст. Где-то в трепещущем полумраке играет пианист, на столах мерцают свечи. Мы с Сашкой следуем за администратором в глубь зала, где нас уже ждет накрытый на двоих столик.

Едим мы медленно и почти не разговариваем. Не потому, что у нас нет подходящих тем, просто нам с моим парнем комфортно и в тишине.

Расправившись с содержимым своей тарелки, делаю глоток вина. Потом подпираю щеку ладонькой и наблюдаю за Сашкой. Почему-то вспоминаю наши пикники на Дону, походы с палатками в лес, быстрые перекусы в уличных забегаловках, первые поцелуи под луной. В парне, который сейчас сидит напротив меня в дорогом костюме, лишь поверхностно угадывается мальчишка-сорвиголова, с легкостью влюбивший меня в себя. И, наверное, я впервые понимаю, что мы выросли. У Сашки многомиллионный контракт, он живет в высотке в центре столицы и ездит на «Ягуаре» – это не только другая жизнь, это другая реальность.

В этот момент Сашка тянется через стол и берет мою руку в свою ладонь.

– Ты у меня такая красавица, – говорит тихо.

– Саш, мы же всегда будем вместе? Не расстанемся?

– Откуда такие мысли? – Он хмурится и целует мое запястье, на котором ритмично пульсирует венка.

– Ниоткуда.

– Все-таки обижаешься за то, что я ушел с Костиком кататься?

– Нет, – качаю головой.

Я правда не обижаюсь. Не могу на него обижаться – это же мой Сашка.

– Погуляем? – предлагаю с улыбкой.

– Сейчас? – Его брови удивленно ползут вверх.

– Сейчас. – Я поворачиваюсь к окну, за которым тихо падает снег: – Посмотри, как там красиво. Все серебрится в лунном свете, и кажется, что на землю спускаются ангелы.

Сашка улыбается.

– Ты ужасно странная сегодня, – замечает он. – Но давай погуляем.

Он подзывает официанта и расплачивается за ужин.

– Я схожу в номер за верхней одеждой, – говорит он, поднимаясь с кресла. – Подождешь меня в холле?

Я согласно киваю.

Сашка уходит, а я еще раз обвожу глазами зал. Он абсолютно пуст. В этот момент музыкант перестает играть, видимо, убедившись, что последние гости закончили ужин. Я торопливо подхожу к нему, когда он начинает убирать ноты с рояля, и смущенно спрашиваю:

– А можно мне сыграть что-нибудь?

Пианист удивленно смотрит на меня, но, поколебавшись мгновение, отодвигает для меня стул.

В детстве я несколько лет занималась музыкой с преподавателем, который всерьез считал, что у меня талант. Но в подростковом возрасте я увлеклась рисованием, сохранив игру на фортепиано лишь в качестве хобби.

Ласково провожу кончиками пальцев по клавишам, с удовлетворением отмечая благодарный отклик инструмента. Задумываюсь на секунду, перебирая в уме любимые композиции, и в конце концов останавливаюсь на сюите Генделя. Эта мелодия, спокойная и неторопливая, но с надрывом в самом финале, своим темпом идеально оттеняет противоречивые эмоции, которыми окрасился сегодняшний день. Мои пальцы сами собой скользят по клавишам, извлекая из рояля чудесные звуки, я закрываю глаза и полностью растворяюсь в музыке.

Последний аккорд повисает невысказанными словами в пронзительной тишине большого зала. Я слышу тихие аплодисменты и распахиваю глаза.

– Ну и ну, – раздается за моей спиной урчащий баритон Благова, запуская волну мурашек, которые ползут от копчика до шеи. – Ты не устает удивлять меня, Мирослава. Ты как матрешка: сколько бы ни вынимали фигурок, внутри оказываются все новые и новые. Сколько еще тайн ты скрываешь?

– Очень много, – отвечаю резко, бесстрашно поднимая на него взгляд. – Но ты не раскроешь ни одну из них.

– Как жаль, – он демонстративно вздыхает. – А как же благодарность?

С этими словами он подходит ближе, останавливаясь всего в шаге от рояля. Почти физически ощущаю, как его изучающий взгляд скользит по моей фигуре, подчеркнутой тонкой тканью шелкового платья.

– Мою благодарность тебе передал в конверте портье, – говорю холодно. – Больше ты вряд ли что-то получишь от меня.

– Это можно рассматривать как вызов? – спрашивает он и слегка наклоняется ко мне. – Предупреждаю, я редко проигрываю.

По его голосу я не могу разобрать, говорит ли он серьезно или шутит. Понимаю, что нельзя допустить, чтобы он вновь втянул меня в спор, но не могу сдержать рвущийся из меня протест.

– Жаль, – язвительные слова льются из моего рта без остановки, – возможно, тогда бы ты излечился от ложного убеждения в собственной неотразимости.

По тому, какое напряжение сковывает мое тело, и учатившемуся пульсу понимаю, что Благову все-таки удастся вывести меня из себя. Меня бесит, что он смотрит на меня сверху вниз, и я вскакиваю со стула.

– А как насчет твоего ложного убеждения в том, что ты меня не выносишь? – мурлычет он с улыбкой, которую я не могу описать иначе чем хищная.

– А здесь нет лжи. Действительно, не выношу.

В пустом помещении приближающиеся шаги Сашки звучат неожиданно громко. Он походит к нам, настороженно переводя взгляд с меня на моего неожиданного спутника.

– Привет. – Благов как ни в чем не бывало протягивает руку для рукопожатия и, когда Сашка ее принимает, продолжает: – Я случайно забрел сюда ночью и уже не мог уйти, покоренный волшебной игрой на рояле.

Сашка притягивает меня к себе и обнимает за плечи. Я чувствую какое-то неуловимое изменение в атмосфере, но не могу разобрать, чем оно вызвано.

– Да, Мира потрясающе играет. – Его голос звучит вполне дружелюбно, но в нем чувствуется сталь.

– Вы пропустили ужин, – замечает Благов. – Завтра утром мы собираемся в горы кататься на снегоходах. Вы с нами?

Я отрицательно качаю головой и смотрю на Сашку.

– Мы будем заняты, правда? – с надеждой говорю я.

Он кивает, но мне кажется, что кивает с неохотой.

– Жа-аль, – протягивает Благов. – Надеюсь, не пропустите вечеринку у бассейна вечером. Мы зарезервировали его только для нашей компании.

Я хочу крикнуть «Нет!», но предоставляю Сашке принять решение за нас обоих. Он смотрит на меня вопросительно. Я неопределенно пожимаю плечами.

– Мы будем, – соглашается он, к моему разочарованию.

– Отлично, – Благов удовлетворенно улыбается. – Спускайтесь вниз в восемь.

Сашка сдержанно улыбается в ответ:

– До завтра.

Я чувствую прикосновение мягкой шерсти к плечам и твердую руку на своей пояснице – Сашка ведет меня к выходу, а я послушно слеую за ним.

Я не хочу оборачиваться. Не хочу. Но не могу удержаться и бросаю взгляд через плечо.

Прошло не больше десяти секунд с тех пор, как мы с моим парнем оставили Благова в одиночестве, но он уже о чем-то беседует с молодой барменшей, которая смотрит на него как на древнегреческое божество.

Я думала, что ненавидеть Благова сильнее, чем я ненавидела его минуту назад, невозможно.

Я ошибалась.

## Глава 8

Чем ближе стрелка часов приближается к восьми вечера, тем нервнее я становлюсь. От предстоящей вечеринки не жду ничего хорошего – небогатый, но поучительный опыт общения с Благовым приучил меня быть начеку.

То, что я никак не могу выкинуть его из головы, не на шутку меня тревожит. А необъяснимое ощущение его причастности к моей жизни не поддается никаким разумным объяснениям.

Вчера ночью, оставив Благова в компании красивой девушки за стойкой бара, мы с Сашей долго гуляли по ночному курорту, блуждая среди расцвеченных огоньками игрушечных домиков и елок, но праздничная атмосфера оставляла меня равнодушной. Я чувствовала крепкие горячие руки, обнимающие меня за талию, и по инерции прижималась к мужскому телу. Я слушала глубокий отрывистый голос и односложно отвечала на вопросы, не вникая в их суть. Я была рядом со своим парнем, но не вместе с ним. Тот, другой, с гипнотическими синими глазами царил в моих мыслях.

Где он? С кем он? Мне не хотелось думать о том, в чьих объятиях он нежится этой ночью, в чьей постели спит. Я не сомневалась, что не в своей и не один. Я гнала от себя мысли о той, которая целует его, о той, что чувствует крепость его объятий и запускает пальцы в жесткие кудри в неконтролируемом желании притянуть его ближе. Блондинки, брюнетки, рыжие – их образы острыми когтями терзали меня, не давая покоя.

Сегодня утром я проснулась с верой в то, что мне под силу заставить себя перестать думать о Благове. Сейчас, когда позади осталась большая половина дня и на часах без пяти восемь, я уже знаю, что терплю сокрушительную неудачу.

Когда я под руку с Сашкой спускаюсь вниз, в холле нас ожидают только Лена, Костя и Макс – хоккеист и одноклубник моего парня. Макс приехал в Сочи накануне. Подруга объясняет, что все остальные уже уехали на забронированную базу отдыха с баней и большим бассейном в поселке, расположенном в десяти минутах езды от отеля.

Это глупо, но я чувствую облегчение. Не знаю, могу ли я подготовиться к встрече с Благовым, но, если есть шанс, что короткая двадцатиминутная отсрочка мне поможет, я хочу им воспользоваться.

В Красную Поляну мы едем в комфортабельном минивэне. Всю дорогу Сашка держит мою ладонь в своей руке, не выпуская, даже когда машина тормозит перед внушительного размера особняком, построенном в стиле альпийских шале.

Он помогает мне выйти и поддерживает, пока мы движемся по заснеженной тропинке в дом. Массивная дверь впускает нас в уютное жилище, в дизайне которого преобладают темное дерево и натуральные цвета. Оставив верхнюю одежду у входа, идем по длинному коридору, который заканчивается стеклянными створчатыми дверьми, скрывающими за собой огромный бассейн с небесно-голубой водой.

Едва я переступаю порог помещения, понимаю, что оно меньше всего напоминает бассейн в традиционном понимании этого слова – в данный момент оно скорее походит на закрытый ночной клуб. Освещение приглушенное, работают только разноцветные прожекторы, развешанные по стенам. Они мерцают и мигают, яркими лучами разрезая полумрак и создавая ощущение затяжной вечеринки на танцполе.

Вокруг огромного овального бассейна расставлены шезлонги и кресла, а небольшие низкие столики заставлены закусками и фруктами. В противоположном углу от входа расположен мини-бар, рядом с ним – плазменный экран, на котором крутятся видеоклипы. Пол выложен бело-голубой мозаикой и отполирован до блеска, а сам бассейн подсвечен изнутри, отчего вода в нем кажется неправдоподобно синей.

– Смотри, – с восторгом щебечет Ленка и тычет пальцем наверх.

Поднимаю глаза и в изумлении смотрю на стеклянный купол, через который можно разглядеть рассыпанные на ночном небе звезды.

– Круто, – говорю я.

– Мне срочно нужно окунуться! – решительно заявляет подруга и хватается за локоть. – Где в этом чудесном месте раздевалка?

Впервые за весь вечер Сашка выпускает мою ладонь. И именно в этот миг я вижу Благова.

Он выходит из раздевалки в противоположной от нас стороне, одетый лишь в длинные плавательные шорты с тропическим принтом. Следом за ним появляется парень, который мне незнаком, и Вера, наряженная в микроскопическое красное бикини.

Я застываю, не в силах отвести взгляд от его фигуры. Широкоплечий, с узкими бедрами и плоским животом, он смотрится не таким мощным, как Сашка, но в нем ощущается настоящая природная сила и энергия, граничащая с грубой чувственностью. Я хочу отвернуться, но не могу – глаза наслаждаются его обнаженным торсом с узкой полоской темных волос, уходящих за эластичную резинку шорт, мускулистыми руками и длинными ногами.

Интересно, как он поддерживает физическую форму? Непохоже, чтобы он все свободное время торчал в спортивном зале, тогда... Отгоняю от себя неожиданно яркое видение обнаженных тел на белоснежных простынях и стремительно краснею.

Не отдаю себе в этом отчета, но подсознательно жду, что Благов обратит на нас внимание. Когда это происходит, он лишь кивает ребятам за моей спиной, скользит безразличным взглядом по нам с Ленкой и отворачивается к бару.

Чувствую себя так, будто бы меня только что ударили кулаком в живот. Не знаю, чего я ожидала, но холодное равнодушие этого человека ранит меня сильнее, чем я могла представить.

– Ты чего зависла? – Ленка капризно поджимает губы и тянет меня к раздевалке: – Пошли.

Небольшое помещение рядом с душем и туалетной комнатой занято двумя незнакомыми мне девчонками. Когда мы заходим, одна из них медитативно расчесывает длинные волосы у зеркала, а вторая усердно натирает тело ароматным маслом.

– Привет, я Алина, – щебечет та, что у зеркала. – А это Марина.

Марина немного высокомерно кивает нам с Ленкой и продолжает распределять липкую жидкость по длинным ногам.

– Лена, – представляется подруга, ставит сумку на скамейку и без паузы стягивает с себя джинсы.

– Мирослава, – говорю сухо.

Следует обычный обмен дежурными словами, после которых я лезу в рюкзак за купальником. В этот момент я рада, что последовала совету мамы и взяла с собой два – бикини и слитный. Выбираю черный one-piece и с иронией думаю, что, судя по купальникам Алины, Марины и Веры, которые состоят из ниточек с треугольниками на груди и попе, на этой вечеринке я буду самой невзрачной.

Легко понять, что на мои предпочтения влияет вовсе не скромность – у меня красивое тело, и я не стесняюсь его показывать, но сейчас мои чувства настолько обнажены, что я хочу компенсировать их смятение максимальной закрытой одеждой-броней.

– Ну что, готова? – спрашивает Ленка через минуту.

Когда мы выходим из раздевалки, моя голова помимо воли поворачивается в сторону бара. Благов все еще там. Теперь в компании не только Веры и незнакомого блондина, но и Кости, Макса и Сашки. Ленка грациозной походкой направляется к ним, а я растерянно стою на месте, не рискуя последовать ее примеру. Понимаю, что это глупо стоять тут в одиночестве, но ноги словно одеревенели – ну не могу я по своей воле идти навстречу Благову.

Словно почувствовав эту внутреннюю борьбу, виновник моих душевных терзаний вдруг оборачивается и бросает на меня долгий изучающий взгляд. От пламени, которое скрывается за бескрайней синевой его глаз, в горле у меня становится сухо, как в пустыне. Я поспешно отворачиваюсь и, подавляя отчаянное желание прикрыть руками свое полуобнаженное тело, прыгаю в теплую воду, которая становится моим укрытием.

Несколько минут я плаваю, ритмично рассекая воду, а когда прислоняюсь к бортику, чтобы передохнуть, слышу бодрый голос Сашки:

– Мира!

Обвожу взглядом бассейн, прежде чем замечаю его крепкую фигуру. Он стоит на краю вышки и готовится к прыжку. Поднимает вверх большой палец и подмигивает, а потом разбегаются и, оттолкнувшись от трамплина, грациозно входит в воду, практически не создавая брызг.

Слышатся одобрительный гул и аплодисменты, а в следующее мгновение Сашка выныривает на поверхность, отплеываясь и протирая глаза. На его лице играет такая бесшабашная радость, что я невольно улыбаюсь.

– Видела? – спрашивает он, звонко целуя меня в щеку, когда я подплываю к нему.

– Видела, – подтверждаю снисходительно.

– Хочу еще раз.

– Ну, Саш, погоди, побудь со мной, – прошу ласково и обнимаю его за шею.

В следующую секунду чувствую, как крепкое тело прижимается ко мне ближе, и доверчиво кладу голову ему на плечо, тая от нежности, с которой Сашка целует мою шею.

Обвиваю свои ноги вокруг мужской талии и легонько касаюсь родных губ.

– Ты утопишь меня, – низко бормочет Сашка.

– Ты спасешь нас обоих, – с уверенностью парирую я.

– А если все же утонем?

– Только друг в друге, – шепчу прямо в его ухо и мягко прикусываю мочку.

– Ты опасный человек, Мира, – усмехается он.

– Замолчи, Саш, – прошу я и прижимаюсь к его губам в долгом поцелуе.

Сашка недолго остается безучастным. С удовлетворением ощущаю его ищущие руки на ягодицах и задыхаюсь, когда наши языки сплетаются в эротическом танце.

– Ковальчук, Громова, будете играть с нами? – ненавистный голос разбивает волшебную реальность, в которой мне нет дела ни до кого, кроме моего парня.

С недовольным стоном отрываюсь от Сашки и оборачиваюсь.

Все столпились на другом краю бассейна во главе с Благовым, лениво подбрасывающим мяч. Я встречаюсь с ним взглядом и хочу провалиться сквозь землю. В синих глазах сложно прочесть хоть что-то, но мне кажется, там таится раздражение и нечто такое, отчего я чувствую себя очень неуютно.

Крепче цепляюсь за Сашку, но слышу его «конечно», в котором уже можно различить азарт и предвкушение схватки.

Он выпускает меня из своих объятий и плывет к противоположному бортику.

– Вы уже разделились на команды?

К удивлению Сашки и полному равнодушию Благова, участвовать в игре я отказываюсь, хотя люблю подобные активности. Вместо этого я несколько раз проплываю из одного конца бассейна в другой. Меняю стиль и плаваю еще несколько минут, а потом переворачиваюсь на спину, восстанавливая сбившееся дыхание и наслаждаясь ощущением теплой воды, ласкающей разгоряченную кожу.

– Мира, выпьешь со мной?

Я подплываю к бортику, где стоит Ленка, и, подтянувшись на руках, выбираюсь из воды. Оборачиваю талию полотенцем и не успеваю присесть на шезлонг, как подруга вручает мне бокал, украшенный долькой апельсина.

– Мальчишки в отличной форме, – говорит она, с интересом наблюдая за игрой.

– Угу, – откидываюсь в шезлонге, потягивая сладковатую жидкость, и избегаю смотреть туда, куда смотрит Лена. – Вкусно.

Некоторое время мы молчим.

– А ты почему не пошла? – спрашивает она внезапно. – Ты же неплохо играешь в волейбол.

– Нет настроения, – бросаю сухо и ищу глазами Сашку, изо всех сил стараясь не замечать Благова. Но он будто нарочно делает все, чтобы как можно чаще попадаться мне на глаза.

Делаю еще один глоток коктейля и натыкаюсь на пристальный взгляд подруги:

– Я хорошо тебя знаю, Мирослава. И в эту поездку ты что-то темнишь.

– Не придумывай. – Я вонзаюсь зубами в дольку апельсина и изучаю куполообразный потолок, в отражении которого без труда нахожу высокую фигуру Благова.

– У вас с Сашей все нормально? – не унимается подруга.

– Да, – заявляю твердо, чтобы не подпитывать подозрительность Ленки. – А ты почему спрашиваешь?

– Может, потому что ты уже пять минут пялишься на Даниила, а не на своего парня, – с откровенной прямоотой отвечает она.

Я едва не давлюсь апельсином и судорожно глотаю, пока мозг мечется в поисках уместного ответа.

Возмутиться? Проигнорировать? Честно сказать, что одним своим присутствием Благов порождает во мне столько противоречивых ощущений, что просто опустошает душу?

– С чего ты взяла? – в конце концов выдавливаю из себя.

– Мира, берегись, – без тени улыбки заявляет подруга. – С этим парнем шутить опасно. Он пройдет по тебе как каток по свежему асфальту.

– Да неинтересен он мне, – говорю равнодушно, избегая взгляда Ленки. – Мне абсолютно все равно.

– Нет, тебе не все равно, и это меня беспокоит.

Ленка смотрит на меня в ожидании, а я знаю, что не могу ей ничего рассказать. Мы дружим уже шесть лет, и у меня никогда не было от нее секретов, но сейчас чувствую, что Благов – это только моя тайна, которой не хочется делиться даже с близким человеком.

– Я поплаваю еще, – сообщаю я, сбрасывая полотенце на шезлонг. – Ты со мной?

Я знаю, что мои ответы не убедили и не успокоили подругу, но она не настаивает. Допивает свой коктейль, кивает, и мы почти синхронно прыгаем в теплую воду.



## Глава 9

Несмотря на непростое начало, к концу вечеринки я нахожу свой дзен. Избегаю людей, которых стоит избегать, много и вкусно ем, смеюсь, танцую, общаюсь и даже нахожу темы для беседы с Алиной и Мариной.

Когда мы с Сашкой решаем вернуться в отель, на часах уже давно за полночь. Оставляю своего парня в компании Макса и Сергея – того самого блондина из свиты Благова, а сама иду в раздевалку переодеваться. Где сам Благов, мне не интересно. Не удивлюсь, если в эту минуту он устраивает марафон в кровати с покладистой подружкой в красном бикини. И меня это нисколько не волнует, а то, что в животе от этой мысли все сжимается в тугий узел, – так у меня, наверное, проблемы с пищеварением. Серьезно, я переела.

Быстро принимаю душ, меняю купальник на нижнее белье, натягиваю джинсы и широкую футболку, обнажающую одно плечо. Влажные волосы промокаю полотенцем и выхожу из душевой в смежную комнату, чтобы взять фен.

Не успеваю причесаться, как входная дверь позади меня открывается, и в отражении большого зеркала я ловлю непроницаемый взгляд Даниила Благова.

Рука с расческой замирает в воздухе. Адреналин разгоняет кровь по телу. Резко втягиваю в легкие воздух, но дышать не могу. Жду, что он уйдет.

Но он не уходит.

Через раздевалку можно пройти в душ и туалет – рассчитываю, что это и есть пункт его назначения, поэтому вздрагиваю от неожиданности, когда он закрывает за собой дверь и прислоняется к ней спиной, спокойно спрашивая:

– Хорошо провела время?

Я, конечно, могу послать его, но в данный конкретный момент он не сделал ничего плохого, а мне нужно учиться контролировать свои эмоции с людьми, которые раздражают. Поэтому, когда я отвечаю ему, мой голос звучит совершенно нейтрально.

– Да, хорошо.

Все еще стою к Благову спиной, наблюдая за ним в зеркале. Он успел натянуть простую черную футболку, но по-прежнему в пестрых шортах. И ноги босые, а в руке стакан с янтарной жидкостью.

– Ты красивая.

Этот безыскусный комплимент, произнесенный с мягкой хрипотцой, производит на меня эффект разорвавшейся бомбы.

– Тебе не стоит так говорить, – одергиваю его.

– Не понимаю почему, – он как-то раздраженно вздыхает и запускает пальцы свободной руки в свои густые волосы. – Это правда.

Если бы я не знала, насколько Благов бессердечный, подумала бы, что нервничает.

– Потому что в соседней комнате находится мой парень, – отвечаю резко. – Это тебя не заботит?

– Нет, – произносит он, даже не задумываясь.

– Ты самоубийца? – спрашиваю прямо. – Саша убьет тебя, если ты только попробуешь...

Не успеваю договорить, как Благов делает шаг в мою сторону.

– Я люблю острые ощущения.

С его стороны это звучит как признание, и я чувствую, как от этих слов по моей спине ползет холодок страха.

Нет, я не боюсь его. Я боюсь того, что может произойти, если он активизирует свои атаки, а я буду не в силах дать достойный отпор.

– Я закричу, если ты подойдешь ближе. – Сердце бешено колотится, и мне приходится облизать губы, потому что они совершенно сухие.

– Кричи. – Благов кривится, махом осушает свой стакан и с глухим стуком ставит его на деревянную лавку. – Хочу послушать.

Оборачиваюсь к нему, распаляясь. Чувствую, как внутри булькает раскаленная лава ярости и самоконтроль, который я собиралась тренировать, уплывает, как песок сквозь пальцы. Знаю, что это опасно, но не могу взять себя в руки.

– Что. Тебе. От. Меня. Нужно? – произношу в запале, четко выделяя каждое слово.

– Честно? – его гипнотические синие глаза в этот момент почти черные. – Сам не знаю. Но точно знаю, что если ты будешь честна сама перед собой, то согласишься, что с первой встречи между нами что-то происходит. Что-то такое, что не зависит от нашей воли и желания.

– По-моему, ты путаешь реальность с каким-нибудь дешевым сериалом, – едко бросаю я. – В жизни так не бывает.

– Тебе-то откуда знать? – его губы растягиваются в ироничной полуулыбке. – Ковальчук сказал, что вы с ним почти с пеленок вместе. Это не тот опыт, исходя из которого можно делать такие заявления.

– И что же еще Ковальчук успел тебе сказать? – спрашиваю срывающимся голосом, злясь на Сашку за неуместную откровенность в разговоре с этим человеком.

– Я мало слушал, – отвечает Благов с откровенностью, граничащей с грубостью. – Все остальное я предпочитаю узнать сам.

От его слов напряжение в комнате достигает апогея. Тишина становится оглушающей. Сглатываю, потому что ком в горле мешает мне нормально дышать, и непроизвольно сжимаю руки в кулаки, ощущая, как зубчики расчески впиваются в мягкую кожу правой ладони.

Благов делает еще несколько шагов по направлению ко мне. Медленно, словно боясь спугнуть, не показывая ни малейшего признака спешки. А я стою и смотрю на него и почему-то даже не думаю о том, чтобы уйти.

Я растеряна. Не могу понять природу странной пугающей дрожи, которая охватывает нерв за нервом, мускул за мускулом. Боюсь, что вот-вот переступлю невидимую черту, из-за которой уже не будет возврата. Разрываюсь между противоречивыми эмоциями, одна из которых советует спастись, а другая вопит, чтобы я сражалась.

Это просто безумие.

Там, за стеной, мой парень. Друзья. Кто угодно может войти сюда в эту самую минуту. Я должна положить этому конец. Закричать, если потребуется. Но я не могу. Весь мир сжимается до размеров этой комнаты. Все чувства сосредотачиваются здесь. И когда Благов наконец останавливается всего в полуметре от меня, я не делаю ничего – только смотрю на него, рвано дышу и слушаю неистовое биение собственного сердца.

Теперь его лицо совсем рядом. Теплое дыхание касается моей щеки. Синие глаза смотрят так пристально, словно хотят просканировать меня насквозь.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем он поднимает правую руку и подушечкой большого пальца проводит по моей нижней губе, надавливая в центре. Это движение настолько чувственное, настолько порочное, что я едва сдерживаюсь, чтобы не высунуть язык и не лизнуть его палец. Глотаю готовый сорваться с губ стон и ловлю пронзительное ощущение разбегающихся по телу электрических импульсов.

Собираю последние оставшиеся силы и поворачиваюсь к нему спиной, демонстрируя этим единственный знак протеста, на который сейчас способна. Теперь Благов стоит прямо за мной, но, несмотря на то что зрительный контакт разорван, я вижу наши фигуры в отражении зеркала.

Я хочу сказать ему, чтобы прекратил. Но не говорю. Ощущение такое, будто я тону. Отчаянно цепляюсь за остатки здравого смысла, но их сметает какое-то необычайно сильное

и совершенно новое чувство, которому я не могу дать определение. Мне трудно дышать, а внизу живота возникает болезненное тянущее ощущение, которое тем не менее не вызывает дискомфорта. Скорее наоборот.

Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. Сознание будто погрузилось в сон, но тело живет собственной жизнью, чутко реагируя на каждое действие Благова.

Как замороженная слежу, как он касается моего обнаженного плеча. Не могу пошевелиться, когда пальцем он чертит дорожку к моей шее, приподнимая свободной рукой все еще влажные после душа волосы. Ощущаю легкое покалывание, кожа словно просыпается от его прикосновения. Куда бы он ни вел свой палец, за ним тянется след невероятных ощущений.

– Пожалуйста, не надо, – произношу я голосом, который сама не смогу узнать, настолько низко он звучит.

– Удивительная комбинация слов, – вкрадчиво шепчет Благов прямо мне в ухо, не прерывая мучительной ласки. – Так «пожалуйста» или «не надо»?

Чувствую, как он берет в ладонь мой подбородок и слегка приподнимает его, еще больше обнажая шею. Ощущаю его горячее дыхание у себя на плече, кожа покрывается мурашками, и ноги больше меня не держат. Закрываю глаза. Обессиленно отклоняюсь назад, только чтобы понять, что теперь моя спина прижимается к крепкой груди Благова, под которой ритмично стучит его сердце.

Меня спасет лишь чудо, думаю отстраненно. Только чудо.

– Открой глаза, Мирослава. – Мое имя звучит непривычно. Сексуально, вызывающе, соблазнительно. Шею сзади приятно тянет от его дыхания.

Приподнимаю ресницы и вновь наблюдаю в зеркале откровенно порочную картину – два тела, прижатые друг к другу.

– Что ты видишь?

Сквозь пелену чувственного тумана растерянно смотрю на свое отражение. Меня пугают дикий лихорадочный блеск в глазах, которые стали черными от расширившихся зрачков, приоткрытые губы, пунцовые щеки, высоко вздымающаяся грудь и бешено пульсирующая жилка на шее.

– Рассказать тебе, что вижу я? – не дожидаясь ответа, спрашивает Благов, обхватывая рукой мою талию.

Я молчу. Не нахожу сил даже на то, чтобы кивнуть, лишь нервно вздыхаю, ощущая, как по всему телу волнами расходится жар.

– Страсть. – Это слово звучит коротко и отрывисто, как удар хлыста. – Между мной и тобой, с самой первой встречи. – Свободной рукой он гладит меня по щеке. – От этого не убежишь, как ни старайся. Это чувство не отпустит. Может, оно притупится, если мы проведем достаточно времени вдали, но не исчезнет совсем. Подумай об этом.

– Я не хочу этого, – слабо протестую я и чувствую острое разочарование, когда Благов опускает руки и отстраняется от меня.

– Возможно, – соглашается он. – Пока.

На этот раз его голос наглый, бескомпромиссный. Мне кажется, я даже различаю в нем злые нотки, словно он вновь бросает мне вызов. Это немного отрезвляет меня.

Разворачиваюсь и смотрю прямо ему в лицо, больше не позволяя таинственному блеску синих глаз затмить мой разум. Делаю шаг назад, до конца не веря, что позволила случиться такому.

– Нас уже, наверное, потеряли, – бормочу я, все еще с трудом ворочая языком.

– Слабый предлог, чтобы сбежать, – бросает он хлестко.

– Никуда я не сбегаю, – протестую я.

– Ты убегаешь, Мирослава, – настаивает он. – С самой первой встречи.

Я пытаюсь обойти его, но чувствую, как на плечи опускаются сильные руки, пригвождающие меня к месту.

– Пусти меня.

Он тут же убирает руки. Быстро. Слишком быстро.

– Видишь, незачем бояться, – говорит он чуть насмешливо.

– Я не боюсь. – Мой голос срывается на крик. Нервным движением поправляю волосы и нетвердой походкой иду к выходу.

К черту фен, к черту мокрые волосы, в голове пульсирует лишь одна мысль – спастись.

У самой двери я оборачиваюсь.

– У меня есть парень, – говорю тихо, но твердо. – И я его люблю.

Благов удерживает мой взгляд всего одно мгновение, которое кажется мне вечностью.

– Ты в этом кого пытаешься убедить? – спрашивает он невозмутимо. Его голос, ровный, томительный, сладкий, бьет по моим оголенным нервам. – Меня или себя?

Отвожу глаза, уверенная, что не смогу вынести выражение триумфа в его взгляде, и выхожу из раздевалки.

## Глава 10

Под Новый год все подводят итоги. Одни подсчитывают, сколько денег заработали, другие – сколько добрых дел совершили, третьи – сколько новых знаний приобрели. Можно вспомнить самые веселые вечеринки, захватывающие путешествия, грандиозные перемены. Людей, с которыми познакомились, друзей, с которыми встречались, возлюбленных, с которыми радовались каждому новому дню.

В моей жизни за триста шестьдесят пять дней произошла масса такого, о чем я могла бы вспоминать, лежа на массажном столе в современном СПА-центре нашего отеля. Но я гляжу, как стрелки больших часов на стене отсчитывают последние часы уходящего года, и думаю только об одном человеке. Данииле Благове.

Пять дней. Всего пять дней назад я увидела его в холле отеля, и с тех пор мой мир перевернулся с ног на голову. Я жила словно в затяжном прыжке с парашютом, зависнув где-то между небом и землей. Не чувствовала свободы, чтобы летать, но и уверенно стоять на ногах тоже не могла.

Благов назвал это страстью. Не знаю. Может быть. До встречи с ним я никогда не испытывала ничего, даже близко сопоставимого по накалу эмоций. Зато я знала, что такое любовь, и не хотела менять мимолетный непредсказуемый фейерверк, который предлагал Благов, на доверие, дружбу и поддержку Сашки, испытанные годами.

Сашка...

Больше того, что поддамся на провокации Благова, я боюсь только одного – что об этом узнает мой парень. Иногда мне на интуитивном уровне кажется, что он начинает что-то подзревать, но ни единым словом, ни единым поступком этого не показывает. Надеюсь лишь на то, что как виновная сторона я просто сама накручиваю себя и ищу подтекст там, где его нет.

– Повернитесь, пожалуйста, – просит меня массажистка.

Лениво переворачиваюсь на спину и глубоко дышу пропитанным пряными травами воздухом, впервые за сегодня ощущая умиротворение.

Все-таки Сашка слишком хорошо меня знает: чувствует, что я беспокойна, поэтому и отправил меня на массаж за считанные часы до наступления нового года.

С того памятного вечера в бассейне прошло два дня. Несмотря на то что больше я не оставалась с Блазовым наедине, благодаря общей компании мы постоянно были на виду друг у друга.

У меня не осталось сомнений в том, что я привлекаю его в физическом плане. Может быть, просто потому, что я для него недоступна и превращаюсь в трофей, которого нужно добиться любым способом, а может быть, здесь что-то большее. В любом случае мне стали просто необходимы наши мимолетные взгляды, которые ничего не обещают, краткие разговоры, которые ничего не значат, но за каждой фразой которых мне чудится определенный подтекст, особый смысл.

Раздражение? Ожидание? Предвкушение? Каждый раз, когда мне предстоит увидеть Благова, я готовлюсь к очередной словесной дуэли. Пусть даже короткой, которая ограничится приветствием. Я наслаждаюсь нашей перепалкой в процессе, а после прокручиваю в голове раз за разом, испытывая при этом самые противоречивые эмоции.

Отрицать бессмысленно – мне нравятся наши стычки. Между нами сложилась своеобразная игра, понятная лишь двоим. И я гнала от себя мысли, что рано или поздно эта игра должна закончиться.

Возможно ли, в самом деле, чтобы другой человек так завладел твоим разумом всего за пять дней и семь встреч, во время которых мы или отчаянно спорили, или игнорировали

друг друга? Что мы делали в нашу встречу в бассейне, я предпочитаю не вспоминать, хотя это получается из рук вон плохо.

Образ Благова сопровождает меня везде, вторгается в мысли и с каждым днем все сильнее овладевает ими. Ночью же... Ночью все становится еще хуже. Благов бесцеремонно вторгается в мои сны. И когда я просыпаюсь и понимаю, что чувственная улыбка и умелые прикосновения – всего лишь плод моей больной фантазии, я чувствую такое острое разочарование, как если бы в пять лет узнала, что Деда Мороза не существует.

Я часто думаю, почему этот, в сущности, незнакомый человек имеет такое влияние на меня. Была ли в этом моя вина, которая заключалась в том, что я недостаточно любила Сашку? Или свою роль сыграл запретный плод, потому что я знала, что отец убьет меня, если узнает, что я запала на сына его заклятого врага? А может быть, моя реакция на Благова – это вполне обыденная история из жизни любой ветреной восемнадцатилетки, у которой гормоны играют в крови?

Ведь это нормально, интересоваться человеком, который так откровенно добивается твоего внимания? Особенно если на вид он как древнегреческое божество и падший ангел одновременно? Такое со всеми случается, и вовсе не значит, что я влюбилась в него или разлюбила Сашку?

\* \* \*

Возвращаясь в номер, я нахожу своего парня там же, где его оставила полтора часа назад, – у телевизора с большим пакетом чипсов. На экране машут клюшками хоккеисты. Судя по форме, на льду наши против канадцев.

– Эй! – машу руками, чтобы привлечь внимание Сашки. – Ты почему еще не одет?

– Финал чемпионата мира повторяют! Такой матч, – с восторгом бормочет он, закидывая в рот горсть чипсов.

В этот миг я почти злюсь на Сашку. Почти – потому что я тоже очень хорошо его знаю. Хоккей для него – это одержимость, с которой я даже не пытаюсь соперничать. Я давно потеряла счет свиданиям, которые мы отменили из-за матчей НХЛ и чемпионатов мира. Но я никогда не обижалась на это, потому что очень быстро поняла, что в жизни Сашки есть две страсти – хоккей и я. И когда хоккей заканчивается, все внимание моего парня принадлежит только мне. Мне одной. Поэтому в любой другой день я бы села рядом на диван, уютно устроилась у него под мышкой и смотрела матч, думая на отвлеченные темы. Но сегодня Новый год, а до такой хоккейной самоотверженности я еще не дошла. И вряд ли дойду.

– Александр Ковальчук! – требовательно говорю я, беря в руки пульт от телевизора. – Нам выходить через полчаса, а ты не только не одет, ты даже в душе, по-видимому, не был! На YouTube свой матч посмотришь. Никуда он от тебя не убежит.

Сашка хмурит брови, но, видя непреклонное выражение моего лица, все же покорно кивает.

Я щелкаю кнопкой. Экран гаснет.

Убедившись, что Сашка плетется в ванную, направляюсь к туалетному столику, на ходу обдумывая порядок действий: накраситься, одеться, позвонить родителям.

Не успеваю открыть косметичку, как с громким рычанием кто-то хватается меня за руки и, дотавив до дивана, бросает на мягкие подушки.

– Саша! – кричу я, смеясь и злясь на него одновременно. – Ты с ума сошел?

– Ты такая сексуальная, когда возмущаешься, – мурлычет он тоном объевшегося кота, играющего с несчастной мышкой, и кладет руку на мою грудь.

– Саш, времени нет, – протестую я.

– Помолчи, – бормочет он, целуя меня в уголок губ, и постепенно спускается все ниже и ниже по шее, к бьющейся у основания горла жилке.

– Мы опоздаем, – эти слова я произношу уже мягче, полушепотом, поддаваясь его ласкам.

– И пускай, – шепчет он в ответ, ловя готовый вырваться протест своими требовательными губами.

## Глава 11

Мы все-таки опаздываем: одеваемся впопыхах, не успеваем позвонить родителям и спускаемся на минус первый этаж, где располагается ночной клуб, почти в половину двенадцатого.

Я цепляюсь за Сашку – в его силе отчаянно стараюсь найти оправдание своей слабости, но получается из рук вон плохо. Тепло его ладони, обычно согревающее и успокаивающее, уже не способно унять мою нервозность: чем ближе мы подходим к клубу, тем туже сжимается узел в животе, тем сильнее разрастается ком в груди и явственнее немеют кончики моих пальцев.

Я понимаю, что этот праздник превратится в испытание: мне непросто находиться рядом с Даниилом Благовым в течение нескольких минут, поэтому я не представляю, как выдержу новогоднюю ночь в непосредственной близости от этого невозможного человека.

Атмосфера в клубе искрится бесшабашным весельем. В глазах рябит от мишуры, огней, красивых платьев и улыбок. Я чувствую, как по спине ползет холодный пот. Мне одновременно хочется сбежать, но еще сильнее хочется остаться, и эта двойственность собственных ощущений полностью сбивает меня с толку.

Я растеряна, но послушно иду вслед за Сашкой к самому большому и шумному столу, за которым расположилась наша компания. Из-за крепкой Сашкиной спины изучаю собравшихся.

Все в сборе. Все. Нет только Благова. Понимаю, что должна бы испытывать облегчение, но вместо этого захлебываюсь непонятной тревогой.

В груди колет, когда я думаю, что Веры тоже нет на месте, но потом замечаю ее рядом с Алиной. Я отказываюсь вникать в причины, почему меня радует то, что они с Благовым не вместе. Мне не до этого – какофония собственных чувств просто разрывает меня на части.

Когда приветствия и поцелуи остаются позади, я занимаю свое место за столом. Слева от меня сидит Саша, справа – Лена. Они словно защищают меня с двух сторон, но я не чувствую себя в безопасности. Механически киваю в знак благодарности, когда Костя вручает мне бокал шампанского. Вместе со всеми пью, когда Сергей произносит тост. Я здесь, но мои мысли далеко. Глаза бегло сканируют зал в попытке отыскать знакомую фигуру.

Где он? Неужели уехал? Почему именно сейчас?

Еда на столе не вызывает у меня аппетита, хотя я толком не ужинала. Чувствую себя как на иголках. Не могу пить. Остаюсь глуха к оживленному разговору друзей. Делаю вид, что больше всего меня интересует ведущий, который появляется на сцене, – только чтобы избавиться от необходимости общаться со своим парнем и подругой. В голове пульсирует только одна мысль: «Почему он даже не намекнул, что уезжает?»

Пытаюсь убедить себя, что все это не имеет значения, что все к лучшему, что мы чужие люди и абсолютно ничего не должны друг другу, но внутри обжигающим ядом разливается предательское и совершенно иррациональное ощущение, будто мне что-то обещали, а потом отняли.

Погруженная в свои переживания, я вздрагиваю от неожиданности, когда сумочка, лежащая на коленях, начинает вибрировать. Достая телефон и смотрю на экран, с которого мне ласково улыбается мама.

Из-за грохота музыки я не могу расслышать ни слова из того, что она говорит.

– Саш, я выйду на секунду, – говорю ему на ухо, вставая из-за стола. – Мама звонит.

– Я с тобой, – он поднимается следом за мной. – Позвоню своим.

Мы выходим в празднично украшенный холл, и я набираю номер родителя, разглядывая затейливо украшенную елку.

– Мира, доченька.



– Привет, мам! – Губы сами собой растягиваются в улыбке, когда я слышу родной голос. – С наступающим! Прости, что раньше не позвонила. Как ты себя чувствуешь?

– И тебя с наступающим Новым годом, – щебечет мама. – Чувствую себя отлично. Малыш не дает скучать. Он решил, что мой живот – это груша для битья. Молотит круглые сутки.

– Ауч! Очень больно?

– Не больнее, чем когда меня тискают твой отец, – смеется мама. – Не волнуйся за меня. Вы сейчас где?

– В ночном клубе в нашем отеле. Помнишь, я говорила, что тут будет грандиозная вечеринка. А вы?

– Дома, как и планировали. К нам заезжали Игорь со Светой, но уже уехали.

Внезапно перед моими глазами появляется отчетливая картинка нашей уютной гостиной. Накрытый стол, яркие языки пламени в камине, елка, украшенная старинными игрушками, улыбка мамы, поддержка папы – сердце сладостно сжимается, и я понимаю, как сильно мне не хватает родителей.

– Мам, я так соскучилась, – произношу на одном дыхании.

– Солнышко, мы тоже. Папа вспоминает о тебе ежеминутно.

– А где он, кстати?

– Висит на телефоне, – вздыхает мама. – Та сделка, ради которой он ездил в Питер накануне твоего отъезда, на грани срыва. Он злится. Ругается. Но ты же знаешь, какой Влад упертый. Ни за что не отступит, особенно в борьбе с Благовым.

При упоминании этой фамилии мой желудок сжимается болезненным спазмом – вот еще одно напоминание, почему мне нельзя даже думать о Благове-младшем.

Мы еще немного болтаем с мамой, потом она передает трубку освободившемуся отцу. Он короток и откровенен:

– Мирослава, так соскучился, что уже сто раз пожалел, что отпустил тебя. И не говори мне, что ты уже взрослая, – обрывает он мой так и не сорвавшийся с губ протест. – Для меня ты всегда будешь моей малышкой. Никто там тебя не обижает?

– Пап, я тоже скучаю. И у меня все прекрасно. Ты же знаешь, я умею за себя постоять.

– Знаю, – признает он со вздохом. – Просто мне все еще сложно принять факт, что ты так быстро выросла.

– Я люблю тебя, пап.

– И я люблю тебя, дочь.

Нажимаю на отбой и ищу глазами Сашку. Он разговаривает по телефону, разгуливая взад вперед по холлу. Его беседа явно проходит на повышенных тонах. Он отчаянно жестикулирует и хмурит брови, но, когда замечает на себе мой взгляд, прикрывает динамик рукой и бормочет:

– Мой отчим, – а потом выразительно смотрит на свои часы. – Возьми нам шампанского.

Отчим Сашки – его спортивный агент. Разговоры с ним всегда в приоритете, даже если до нового года остается пятнадцать минут, поэтому я киваю и возвращаюсь в клуб в одиночестве.

Раньше других меня замечает Лена. Она встает с дивана и движется ко мне:

– Не хочешь потанцевать минутку?

Я отрицательно мотаю головой:

– Давай чуть позже.

– С тобой все в порядке? – спрашивает подруга, пристально разглядывая меня.

Вымученно улыбаюсь и беру ее под руку.

Вместе мы возвращаемся к столу. Костя тут же наполняет наши бокалы, чтобы проводить старый год. Мелодичный звон бокалов ласкает слух, но я начинаю нервничать, потому что Сашка никак не возвращается.

Когда до двенадцати остается всего пять минут, я не выдерживаю: срываюсь с места и иду на поиски своего парня. Отчим отчимом, но это не лезет ни в какие рамки.

Я не успеваю выйти из клуба, как вдруг чья-то рука властно обхватывает меня за талию. В первое мгновение я думаю, что это Сашка, но быстро осознаю свою ошибку. Эта рука чужая, и мои ощущения совсем другие – темными волнами расходятся по коже. Это Даниил, я точно знаю, чувствую. В мозгу яркой молнией вспыхивает неконтролируемая радость, но я быстро подавляю ее. Отклик тела контролировать сложнее: тонкие волоски на моей шее и руках становятся дыбом, низ живота наполняется теплом, а сердце стучит, как после марафона.

– Что тебе нужно? – шепчу я, оборачиваясь, все еще ощущая тяжесть ладони Благова на своей талии.

– Всего лишь скрасить твое одиночество, – отвечает он, склонившись к моему уху и слегка касаясь его губами.

## Глава 12

Мое тело пробивает дрожь. Порочное прикосновение языка Даниила, кончик которого медленно очерчивает ушную раковину, лишает меня возможности говорить. Сжимаю челюсти, чтобы заглушить стон, готовый сорваться с губ, и стараюсь дышать.

Это сложно.

Прохладно-пряный аромат его одеколона, смешанный с едва уловимым запахом кожи, щекошет ноздри, кружа голову. Интересно, наступит ли время, когда я перестану так на него реагировать?

– Пусти, – запаса моей выдержки хватает лишь на одно слово, которое я произношу чужим, хриплым от эмоций голосом.

– Разве я держу тебя? – голос Благова тих. В нем легко различить насмешку, но не только ее. Есть что-то другое – напряжение, может, которое даже он не в состоянии скрыть за привычной бравадой.

Едва смысл его слов доходит до моего мозга, я холодею. Понимаю, что он действительно больше не обнимает меня. Он стоит прямо, руки спрятаны в карманы брюк, и именно я тянусь ему навстречу, совершенно дурея от воздействия его харизмы, чувственности и наглости на мое сознание.

К моим щекам и подмышкам стремительно приливает жар. От унижения, которое я испытываю в этот миг, мне хочется провалиться сквозь землю.

– Хам! – бросаю я, едва дыша от возмущения, и отступаю на шаг.

На лице Благова играет самодовольная улыбка, а взгляд бесцеремонно скользит по моей фигуре, подозрительно долго задерживаясь на груди.

Я опускаю глаза и, когда понимаю, что его так заинтересовало, хочу умереть. То самое серебристое платье, которое я взяла по совету мамы, – моя погибель. Тонкая ткань струится и мягко облегает тело, эффектно подчеркивая каждую его округлость, но фасон в бельевом стиле не позволяет мне носить с ним бюстгальтер. Это никогда не было проблемой. Никогда до этого момента.

– Замерзла? – с невинным выражением на лице интересуется Благов.

В инстинктивной попытке спрятать доказательство своей слабости складываю на груди руки и гордо поднимаю подбородок. Наши взгляды скрещиваются.

– Меня ждет мой парень, – мысленно хвалю себя, потому что голос звучит на удивление твердо и беспечно.

– Я видел его в холле. – Благов пожимает плечами: – Кажется, ему сейчас не до тебя.

– Зато тебе до меня?

– Всегда готов прийти на помощь, – сверкая белозубой улыбкой произносит он. – И что-то мне подсказывает, ты не будешь против.

– Пошел ты... – взрываюсь я, но не успеваю закончить фразу. Указательный палец Даниила перекрывает мои губы, заставляя замолчать.

– Шшш, – шепчет он. – Сколько эмоций. Неужели я в твоих глазах представляю такую угрозу?

Отталкиваю его руку и сердито произношу:

– Я тебя ненавижу!

Благов довольно улыбается и удивленно приподнимает брови. Я никогда не замечала за собой жажды крови, но сейчас я, видимо, пребываю в состоянии аффекта – мне хочется с криком наброситься на этого человека и придушить собственными руками.

– Ненависть – отличное чувство, – между тем говорит он. – Куда лучше безразличия. Но нам оно и не грозит, правда?

Каждая клеточка моего тела, дрожащая от дикого коктейля эмоций, готова с ним согласиться. Мое влечение к нему настолько сильно, что кажется сверхъестественным.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.